

**ПРОБЛЕМЫ В ПРИМЕНЕНИИ
ПРИНЦИПА УНИВЕРСАЛЬНОЙ ЮРИСДИКЦИИ
В ОТНОШЕНИИ ДЕЛ ИЗ БЕЛАРУСИ**

Ситуация в Литве, Германии, Польше и Чехии

Доклад по результатам исследования

ноябрь 2023 г.

Проблемы в применении принципа универсальной юрисдикции в отношении дел из Беларуси. Ситуация в Литве, Германии, Польше и Чехии. Доклад с результатами исследования

© iSANS, ноябрь 2023 года

Об iSANS

iSANS — это международная инициатива экспертов, направленная на определение, анализ и противодействие гибридным угрозам демократии, верховенству закона и суверенитету стран Западной, Центральной и Восточной Европы и Евразии.

Об авторах

Наталья Кравчук, правовой советник iSANS, к. ю. н.: исследователь и автор доклада

Юрий Джигладзе, руководитель отдела iSANS по правам человека и верховенству права: исследователь, автор и редактор доклада; координатор проекта

Перевод на русский язык

Дмитрий Шабельников

Благодарности

TRANSITION
Transition Promotion Program

Проект был реализован при поддержке программы Transition Promotion Programme Министерства иностранных дел Чешской Республики.

Содержание

Предисловие: цели и методология исследования	1
I. Введение в принцип универсальной юрисдикции и различные подходы к его содержанию	5
II. Замечания по некоторым ключевым вопросам, поднимавшимся государствами	
<i>Какие преступления подпадают под универсальную юрисдикцию?</i>	9
<i>Обязательство государств проводить расследование и осуществлять уголовное преследование</i>	12
<i>Проблема заочного применения универсальной юрисдикции</i>	13
<i>Иммунитеты</i>	15
<i>Злоупотребление политической властью</i>	18
<i>Субсидиарный характер универсальной юрисдикции</i>	20
III. О практиках государств	
<i>Органический рост применения универсальной юрисдикции</i>	23
<i>Взрывной рост применения универсальной юрисдикции в ответ на международные преступления, совершенные в Украине</i>	24
<i>Прецедент с делом Гаравского в Швейцарии</i>	26
<i>Польша</i>	30
<i>Литва</i>	37
<i>Чешская Республика</i>	46
<i>Германия</i>	50
IV. Проблемы: общая критика имплементации универсальной юрисдикции	
<i>Защита свидетелей и обращение с ними</i>	60
<i>Документация судебных разбирательств и доступ к ней общественности</i>	62
<i>Отсутствие оптимальных структур и целевого финансирования</i>	66
<i>Недостаточное сотрудничество на практическом уровне</i>	67
V. Уроки применения принципа универсальной юрисдикции к делам из Беларуси	72
VI. Рекомендации	76
Библиография	79

Предисловие: цели и методология исследования

Существуют веские основания полагать, что как минимум с июня 2020 года режим Лукашенко совершал и продолжает совершать преступления против человечности в отношении белорусов. Сотни тысяч людей стали жертвами пыток, насильственных исчезновений, в том числе длительного содержания под стражей без связи с внешним миром (*incommunicado*), сексуализированного насилия, внесудебных казней, политически мотивированных преследований и депортаций. Совершение преступлений против человечности в Беларуси, сопровождающееся безнаказанностью, должно привести к адекватной реакции со стороны международного сообщества государств, которая обеспечила бы эффективное, своевременное и справедливое расследование преступлений, способное привести к результативному уголовному преследованию предположительно совершивших эти преступления лиц вне зависимости от занимаемых ими должностей и наказанию виновных по приговору суда.

Однако по прошествии более трех лет после начала беспрецедентных репрессий не наблюдается никакого прогресса в привлечении преступников к ответственности. Царящая безнаказанность побуждает существующую де-факто власть продолжать и интенсифицировать свою репрессивную политику, совершая новые преступления. Граждане Беларуси и те, кто их поддерживает, имеют дело с отсутствием механизмов привлечения к ответственности. Учитывая отсутствие в Беларуси независимой судебной системы и, следовательно, всяких надежд на достижение справедливости на национальном уровне, пока страной руководит режим Лукашенко, который заинтересован лишь в защите преступников от ответственности, безосновательном лишении свободы белорусов и пыточном обращении с ними, существует потребность в использовании других средств правовой защиты и осуществления правосудия, в том числе международных.

Восстановление справедливости в интересах жертв международных преступлений в Беларуси с использованием национальных правоохранительных систем других государств на основе принципа универсальной юрисдикции неоднократно указывалось как рекомендуемая стратегия в докладах и резолюциях межправительственных организаций, включая ОБСЕ, Европейский парламент и ПАСЕ. Именно этот механизм провозглашался эффективным инструментом для прекращения безнаказанности. Учитывая, что за последние несколько лет в другие страны были вынуждены бежать сотни тысяч белорусов, можно было ожидать, что в органы полиции и

прокуратуры европейских стран будет подано большое количество заявлений о расследовании преступлений. И действительно, первые жалобы были поданы уже осенью 2020 года. Однако расследование дел, касающихся событий в Беларуси, в нескольких европейских странах застопорилось и сталкивается с различными правовыми, процессуальными и институциональными препятствиями. Потока новых жалоб не наблюдается. Работающие в этой сфере НПО и правовое сообщество ищут способы для преодоления описанных барьеров.

В этом контексте iSANS принял решение провести исследование проблем, возникающих на пути эффективного применения принципа универсальной юрисдикции к делам о международных преступлениях, совершенных в Беларуси, изучив ситуацию в четырех европейских государствах, где были поданы заявления от белорусских потерпевших, чтобы выявить и проанализировать основные проблемы, препятствующие эффективному применению принципа универсальной юрисдикции, и выработать рекомендации для соответствующих акторов. Странами, выбранными для доклада, стали Литва, Польша, Германия и Чешская Республика.

С апреля по ноябрь 2023 года исследователи iSANS изучали литературу и дела, в которых принцип универсальной юрисдикции применялся по отношению к международным преступлениям, совершенным в других странах, законодательство четырех выбранных стран, имеющее отношение к данному вопросу, и их опыт — или отсутствие такового — применения этого принципа, а также консультировались с соответствующими акторами. Были разработаны и разосланы вопросники для проведения интервью. Исследователи iSANS посетили все четыре страны и провели интервью, иногда неоднократные, с более чем двадцатью представителями соответствующих акторов — организаций и государственных органов, занимающихся документированием преступлений, подготовкой заявлений, их направлением в органы правопорядка, их анализом и принятием решений об инициировании расследования или отказе в таковом, расследованием и разработкой государственной политики и стратегий, которые касаются обеспечения правосудия по делам о преступлениях, совершенных в Беларуси и других зарубежных странах.

Среди наших собеседников были представители белорусских, международных и местных правозащитных НПО, адвокаты, представляющие интересы потерпевших, прокуроры, включая высокопоставленных представителей генеральных прокуратур, сотрудники министерств юстиции и министерств иностранных дел. Мы крайне признательны всем, кого мы проинтервьюировали в рамках своего исследования, и их организациям за открытость, конструктивный подход и

готовность принять участие в общем деле — прекращении безнаказанности в Беларуси, достижении справедливости для жертв и привлечении виновных к ответственности. Стоит отметить, что получить доступ к определенной части информации было нелегко, и некоторые представители ведомств, согласившись встретиться в частном порядке, воздержались от письменных ответов по существу. Мы решили не указывать в докладе имена и места работы проинтервьюированных нами людей — из соображений безопасности, а также конфиденциальности, на которой были вынуждены настаивать некоторые из наших собеседников. Тем не менее, мы выражаем свою искреннюю благодарность им всем.

Определенные сложности такого рода были предсказуемы: мы действительно обнаружили ряд препятствий на пути эффективного применения принципа универсальной юрисдикции — и говорить о них не всегда было легко, учитывая огромный запрос на справедливость для Беларуси. Некоторые из этих препятствий соответствуют общим проблемам в применении принципа универсальной юрисдикции во всем мире — а некоторые представляются уникальными, возникшими именно в связи с делами из Беларуси. Наш общий вывод может показаться разочаровывающим: за три с половиной года после начала волны непрекращающихся жестоких репрессий ни один человек, совершивший международные преступления в Беларуси, не был наказан, ни одно дело не было направлено в суд, не было выдвинуто никаких обвинений; лишь в одной стране, ставшей предметом нашего исследования, Литве, был собран значительный объем доказательств на основе анализа заявлений более 50 жертв и других документов; только одно расследование было инициировано в Польше по заявлениям польских граждан, тогда как в отношении граждан Беларуси расследования инициировано не было, а в Германии и Чешской Республике расследования вообще не имели места. Учитывая тот факт, что несколько тысяч белорусов стали жертвами международных преступлений, совершенных режимом Лукашенко, эту ситуацию вряд ли можно назвать адекватной, что требует серьезных изменений в законах, процедурах и институциональных рамках, укрепления потенциала и обучения персонала, выделения ресурсов, диалога с гражданским обществом — и, самое главное, политической воли к осуществлению этих изменений.

Нам удалось выявить и описать семь ключевых проблем и выработать 12 конкретных рекомендаций. Мы надеемся, что эти рекомендации будут приняты во внимание всеми соответствующими акторами, включая лиц и организации, ответственные за выработку государственной политики в данной сфере, и послужат основой для дальнейшего обсуждения и выработки планов конкретных действий. Беларусь, которые в 2020 году

коллективно выбрали для себя и своей страны европейский путь развития, боролись за свое будущее, свои идеалы и свои мечты последовательно, мирно и мужественно, рискуя ради этого своей свободой, здоровьем и в конечном счете жизнью, не заслуживают ничего иного, кроме правосудия в действии.

Мы хотели бы выразить признательность программе Transition Promotion Programme Министерства иностранных дел Чешской Республики, поддержавшей этот проект.

I. Введение в принцип универсальной юрисдикции и различные подходы к его содержанию

Борьба с безнаказанностью постоянно играла важную роль в развитии международного уголовного права со времен окончания Второй мировой войны, когда был впервые сформулирован аргумент о том, что наиболее тяжкие преступления, осуждаемые мировым сообществом в целом, не должны оставаться безнаказанными.¹ Эта идея закрепились посредством создания Международного военного трибунала и принятия новых конвенций, прямо или косвенно предусматривавших универсальную юрисдикцию. Особенно показательны в этом отношении Женевские конвенции 1949 года, недвусмысленно устанавливающие универсальную юрисдикцию в отношении грубых нарушений этих конвенций. Идея о том, что при определенных обстоятельствах в случае совершения таких особо тяжких преступлений суверенитет отдельных государств может быть ограничен, стала общепринятым принципом. Позже другие международные конвенции и, в некоторой степени, нормы обычного права² расширили рамки применения универсальной юрисдикции. На протяжении нескольких десятилетий она была подтверждена рассмотрением ряда дел — Эйхмана в 1961 году, Демьянюка в 1985-м и Пиночета в 1999-м, — показавшим, что результатом применения универсальной юрисдикции может становиться судебное преследование обвиняемых в совершении международных преступлений.³

Принстонские принципы универсальной юрисдикции определяют рамки универсальной юрисдикции следующим образом: «Когда [стандартные основания юрисдикции] и другие связи отсутствуют, национальные суды могут тем не менее осуществлять юрисдикцию в рамках международного права в отношении преступлений столь исключительной тяжести, что они затрагивают фундаментальные интересы сообщества в целом. Это универсальная юрисдикция: юрисдикция, основанная исключительно на характере преступления. Национальные суды могут осуществлять универсальную юрисдикцию в целях судебного преследования и наказания за чудовищные деяния, признаваемые тяжкими

---

¹ T. Kluwen. Universal Jurisdiction in Absentia Before Domestic Courts Prosecuting International Crimes: A Suitable Weapon to Fight Impunity? // *Goettingen Journal of International Law*. 2017. Vol. 8, No. 1, p. 10.

² Мнение о том, что универсальная юрисдикция является частью обычного международного права, в целом твердо укоренилось (С. Ryngaert. *International Trends and the EU's Approach to Promoting Universal Jurisdiction Through Its External Relations* // *Universal Jurisdiction and International Crimes: Constraints and Best Practices*. Workshop paper. Policy Department for External Relations. Directorate General for External Policies of the European Union. September 2018, p. 7; F. Jeßberger. *Towards 'Complementary Preparedness': Trends and Best Practices in Universal Criminal Jurisdiction in Europe* // *Universal Jurisdiction and International Crimes: Constraints and Best Practices*. Workshop paper. Policy Department for External Relations. Directorate General for External Policies of the European Union. September 2018, p. 9).

³ X. Philippe. *The Principles of Universal Jurisdiction and Complementarity: How Do the Two Principles Intermesh?* // *International Review of the Red Cross*. 2006. Vol. 88, N. 862, p. 378.

преступлениями в соответствии с нормами международного права, тем самым препятствуя их совершению в будущем».⁴ Позднее Экспертный доклад АС-ЕС о принципе универсальной юрисдикции определил принцип универсальной юрисдикции как «осуществление одним государством его юрисдикции в отношении преступлений, предположительно совершенных на территории другого государства гражданами другого государства в отношении граждан другого государства, когда вменяемое преступление не представляет собой непосредственной угрозы для государства, осуществляющего юрисдикцию. Иными словами, универсальная юрисдикция представляет собой притязание того или иного государства на преследование за совершение преступлений в обстоятельствах, когда на момент совершения вменяемого преступления отсутствует какая-либо из традиционных связей — на основе принципа территориальной принадлежности, активного или пассивного принципа гражданства либо принципа безопасности».⁵ Принцип универсальной юрисдикции представляет собой отступление от обычных правил уголовной юрисдикции, требующих территориальной или персональной связи с преступлением, обвиняемым или потерпевшим. Как указывает правовед Ксавье Филипп, он основан на представлении о том, что определенные преступления настолько вредят интересам международного сообщества, что государства имеют право — и даже обязаны — преследовать совершивших их лиц в судебном порядке вне зависимости от места совершения преступления и гражданства обвиняемого или потерпевшего. Универсальная юрисдикция делает возможным судебное преследование за совершение международных преступлений кем угодно в любой точке земного шара.⁶ Когда государства осуществляют преследование предполагаемых преступников, совершивших особо опасные преступления, их можно рассматривать как агентов международного сообщества.⁷ Таким образом они не позволяют избежать ответственности за совершение международных преступлений и посылают сигнал о том, что (будущие) злодеяния не останутся безнаказанными. Именно в этом состоит профилактическая и превентивная функция универсальной юрисдикции.⁸ Принцип универсальной юрисдикции признается сегодня большинством государств в силу особого характера международных преступлений. Понимание его важной роли в привлечении виновных к ответственности и сохранении фундаментальных ценностей человечества разделяют даже

---

⁴ The Princeton Principles on Universal Jurisdiction (Princeton Principles) (2001), para. 23.

⁵ AU-EU Technical Ad hoc Expert Group on the Principle of Universal Jurisdiction Report. African Union. Addis Ababa, 15 April 2009. Para. 7 (<https://reliefweb.int/report/sudan/au-eu-technical-ad-hoc-expert-group-principle-universal-jurisdiction-report>).

⁶ X. Philippe. Op. cit., p. 377.

⁷ Attorney General v. Adolf Eichmann. District Court of Jerusalem. Judgment of 11.12.1961, para. 12 (<https://www.legal-tools.org/doc/aceae7/pdf>).

⁸ C. Ryngaert. Op. cit., p. 7.

члены Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (ASEAN), традиционно подвергающие сомнению охват и применение принципа универсальной юрисдикции в ходе дискуссий в различных органах Организации Объединенных Наций.⁹

Как государства, так и академическое сообщество согласны в том, что определение универсальной юрисдикции чрезвычайно широко и, как отмечает правовед Люк Рейдамс, оставляет «неопределенным так много, что нельзя не задуматься о том, как оно может соответствовать принципу правовой определенности в уголовном праве».¹⁰ Чтобы решить эту проблему, ученые, НПО и межправительственные организации посвятили огромное количество времени и ресурсов тому, чтобы «изучить и прояснить» универсальную юрисдикцию. Был опубликован ряд докладов о характере и пределах универсальной юрисдикции; были также приняты соответствующие принципы, в том числе:¹¹

- Amnesty International’s 14 Principles on the Effective Exercise of Universal Jurisdiction (1999);
- the International Law Association’s Final Report on the Exercise of Universal Jurisdiction in Respect of Gross Human Rights Offences (2000);
- the Princeton Principles on Universal Jurisdiction (2001);
- Africa Legal Aid’s Cairo-Arusha Principles on Universal Jurisdiction in Respect of Gross Human Rights Offenses: An African Perspective (2002);
- the Institute of International Law’s Resolution Universal Criminal Jurisdiction with Regard to the Crime of Genocide, Crimes Against Humanity and War Crimes (2005);
- the AU-EU Expert Report on the Principle of Universal Jurisdiction (2009);
- the Madrid-Buenos Aires Principles of Universal Jurisdiction (2015).¹²

В 2009 году по просьбе Объединенной Республики Танзания, действующей от имени Группы африканских государств, в повестку дня шестьдесят четвертой сессии Генеральной Ассамблеи ООН был внесен пункт, озаглавленный «Охват и применение принципа универсальной

---

⁹ Ch. W. Ling. Universal Jurisdiction Through the Eyes of ASEAN States: Rule of Law Concerns and the Need for Inclusive and Engaged Discussions. TOAEP Policy Brief Series. 2022. N. 141 (<https://www.toaep.org/pbs-pdf/141-cheah/>).

¹⁰ L. Reydams. The Application of Universal Jurisdiction in the Fight Against Impunity. Policy Department, Directorate-General for External Policies. European Union, 2016, p. 6.

¹¹ Приведенные документы не были переведены на русский язык. В целях облегчения задачи их поиска в списке приводятся их оригинальные английские названия.

¹² L. Reydams. Op. cit., p. 6.

юрисдикции»¹³ и призванный дать государствам возможность обсудить неясности.¹⁴ Резюме первого заседания показывает, что единственное, с чем были согласны все государства, — это то, что универсальная юрисдикция «существует» и что она «важна».¹⁵ В 2017 году Генеральная Ассамблея приняла решение о создании рабочей группы Шестого комитета для организации всеобъемлющего обсуждения данной темы.¹⁶ Протоколы последующих заседаний говорят о том, что достичь какого-либо прогресса с тех пор практически не удалось. Обсуждение в Шестом комитете по сути не сдвинулось с места — одни и те же аргументы повторяются снова и снова. Государства не могут прийти к согласию относительно самых фундаментальных вопросов, некоторые из которых будут затронуты ниже.

В 2018 году Комиссия международного права ООН решила включить тему универсальной уголовной юрисдикции в свою долгосрочную программу работы.¹⁷ Этот важный шаг демонстрирует, что обсуждение универсальной юрисдикции вступило в новую фазу — ее можно описать как в большей степени правовую, чем политическую.

---

¹³ Просьба о включении нового пункта в повестку дня шестьдесят третьей сессии. Охват и применение принципа универсальной юрисдикции. A/63/237/REV.1 от 23 июля 2009 г. (<https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N09/421/27/PDF/N0942127.pdf?OpenElement>).

¹⁴ С тех пор Генеральная Ассамблея включала этот пункт в свою повестку для ежегодно. См., напр.: Sixth Committee (Legal) — 78th session. The Scope and Application of the Principle of Universal Jurisdiction (Agenda item 84) (https://www.un.org/en/ga/sixth/78/universal_jurisdiction.shtml).

¹⁵ L. Reydams. *Op. cit.*, p. 7.

¹⁶ Охват и применение принципа универсальной юрисдикции, UN Doc. A/RES/72/120, 18 декабря 2017 г. (<https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N17/432/63/PDF/N1743263.pdf>).

¹⁷ Доклад Комиссии международного права, Семидесятая сессия, UN Doc. A/73/10, 10 августа 2018 г., с. 10 (<https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G18/252/69/PDF/G1825269.pdf>).

II. Замечания по некоторым ключевым вопросам, поднимавшимся государствами

Какие преступления подпадают под универсальную юрисдикцию?

Окончательного ответа на опрос о том, какие преступления подпадают под универсальную юрисдикцию, до сих пор нет. Среди ученых, судя по всему, есть согласие относительно того, что по крайней мере преступления против человечности, геноцид и военные преступления (совершенные в ходе как международных, так и немеждународных вооруженных конфликтов¹⁸) под нее точно подпадают. Правовед Тим Клувен даже говорит о «консенсусе» в этом отношении.¹⁹ Правовед Флориан Йессбергер перечисляет те же три категории преступлений,²⁰ ссылаясь на их характер, тогда как Ривз добавляет, что для того, чтобы показать легитимную юридическую значимость преступления как объекта универсальной юрисдикции и определить степень этой значимости, необходимо учитывать не только его характер, но и его последствия для международных интересов — или общепризнанность такого преступления.²¹ Корейский правовед Джиу Сон включает в перечень пиратство, указывая, что со злодеяниями (atrocities), признаваемыми преступлениями в международном праве, пиратство объединяет то, что универсальная юрисдикция призвана в обоих случаях восполнить пробелы в правоприменении. Хотя пиратство не является «злодеянием», применение к нему универсальной юрисдикции оправдано, по мнению Сона, тем, что традиционные основания для возникновения юрисдикции оставляют международно-правовой запрет пиратства недостаточно реализуемым на практике. Универсальная юрисдикция повышает шансы задержания пиратов, что, в свою очередь, повышает степень соблюдения требований закона. Жестокие преступления, признаваемые таковыми международным правом, аналогичным образом неадекватно преследуются на основании обычных принципов юрисдикции, особенно в связи с тем, что они часто совершаются государством, и универсальная юрисдикция по отношению к этим преступлениям оправдана как способ восполнения пробела в правоприменении.²²

---

¹⁸ P. Caban. Universal Jurisdiction Under Customary International Law, International Conventions and Criminal Law of the Czech Republic: Comments // Czech Yearbook of Public & Private International Law. 2013. Vol. 4, pp. 173–200, p. 176.

¹⁹ T. Kluwen. Op. cit., p. 11.

²⁰ F. Jeßberger. Op. cit., p. 9.

²¹ A. R. Reeves. Liability to International Prosecution: The Nature of Universal Jurisdiction // The European Journal of International Law. 2017. Vol. 28, N. 4, p. 1054.

²² J. Song. Pirates and Torturers: Universal Jurisdiction as Enforcement Gap-Filling // Journal of Political Philosophy. 2015. Vol.23, N. 4, pp. 481–484.

Некоторые ученые, в том числе правовед и сотрудник Министерства иностранных дел Чешской Республики Павел Кабан, считают, что универсальная юрисдикция должна применяться также к пыткам, будь то в рамках международного права, применимого к трем вышеуказанным категориям преступлений, или в рамках правового режима соответствующего договора.²³ Однако учитывая характер пыток как преступления, направленного против наиболее фундаментальных интересов международного сообщества в целом, они могут быть включены в группу преступлений, подпадающих под универсальную юрисдикцию, отдельно, а не как один из видов преступлений против человечности, геноцида и военных преступлений. Этот подход разделяют некоторые государства, относящие пытки и другие виды жестокого и бесчеловечного обращения, а также насильственные исчезновения, к отдельным преступлениям, которые сами по себе непосредственно подпадают под универсальную юрисдикцию, таким образом подчеркивая, что совершение этих преступлений должно преследоваться даже вне связи с обязательствами государства по соответствующему международному договору (если такие обязательства вообще имеются).

Продолжается дискуссия о том, может ли универсальная юрисдикция распространяться на преступление агрессии — ввиду крайне политически чувствительного характера этот состав преступления, судя по всему, заслуживает особого отношения и обычно не охватывается универсальной юрисдикцией.²⁴

Позиция государств относительно охвата универсальной юрисдикции часто значительно отличается от взглядов на этот вопрос представителей академического сообщества. Несмотря на многолетние усилия Шестого комитета ООН, направленные на выработку взаимопонимания между государствами по этой проблеме, высказываемые ими мнения показывают, что в ближайшее время достижение консенсуса невозможно.²⁵ В 2016 году председатель рабочей группы Шестого комитета ООН по вопросам универсальной юрисдикции подготовил неофициальный меморандум, призванный активизировать дискуссию и содержащий «предварительный перечень» преступлений, которые «могут» быть объектом универсальной юрисдикции. В этот широкий перечень входят апартеид, коррупция, преступления против человечности, преступления против мира/преступление агрессии, насильственные исчезновения, геноцид,

---

²³ P. Caban. *Op. cit.*, p. 176.

²⁴ P. Caban. *Op. cit.*, p. 177.

²⁵ Шестой комитет обсуждает эту тему ежегодно начиная с 2009 г. (Annex 1. Universal Criminal Jurisdiction. Report of the International Law Commission. Seventieth session (30 April – 1 June and 2 July – 10 August 2018) (General Assembly Official Records Seventy-third Session Supplement N. 10 (A/73/10)), p. 313. https://legal.un.org/ilc/reports/2018/english/annex_a.pdf.

пиратство, рабство, терроризм, пытки, транснациональная организованная преступность и военные преступления.²⁶ Протоколы последующих заседаний показывают, что этот шаг не увенчался успехом. Одни делегации (Таиланд, Индия, Буркина-Фасо) заявляют, что единственное преступление, применение к которому универсальной юрисдикции не оспаривается никем, — это пиратство в открытом море; другие предостерегают против необоснованного расширения перечня категорий преступлений, подпадающих под универсальную юрисдикцию (Китай), указывают на непоследовательность концепции и необходимость применять ее с осторожностью (Камерун), а также на такие принципы международного права, как суверенное равенство, невмешательство и иммунитет (Китай, Россия). Бесконечно указывая на отсутствие общего понимания этого принципа среди государств и на необходимость достичь полного и общепризнанного консенсуса по вопросу о его охвате и применении, делегации не проявляют готовности начать двигаться в этом направлении.²⁷

Интересно, что на национальном уровне ситуация не выглядит столь безнадежной. Категории преступлений, на которые распространяется универсальная юрисдикция, в разных странах отличаются, но нередко это целый ряд составов, как в Австралии или Испании, где принцип универсальной юрисдикции задействуется в делах о насилии в отношении женщин, организованной преступности и даже коррупции. В других государствах применение принципа универсальной юрисдикции довольно строго ограничено некоторыми преступлениями международного характера, такими как преступления против человечности, геноцид и военные преступления. В третьих странах к ним добавлены отдельные составы, такие как пытки и насильственные исчезновения.²⁸

Несмотря на дискуссии о легитимности, универсальная юрисдикция была распространена на преступление агрессии примерно половиной из шестнадцати государств, имплементировавших Поправки об агрессии к Статуту МУС в свое национальное законодательство. Кроме того, есть 14 государств, распространивших универсальную юрисдикцию на близкие по содержанию составы преступлений «агрессивная война» или «призывы к

---

²⁶ The Scope and Application of the Principle of Universal Jurisdiction. Informal Working Paper prepared by the Chairperson for discussion in the Working Group, 4 November 2016. (https://www.un.org/en/ga/sixth/75/universal_jurisdiction/wg_uj_informal_wp.pdf).

²⁷ Speakers Disagree on How, When, Where Universal Jurisdiction Should Be Engaged, as Sixth Committee Takes up Report on Principle. Seventy-seventh session, 12th meeting (am). Meetings coverage. GA/L/3662, 12 October 2022 (<https://press.un.org/en/2022/gal3662.doc.htm>).

²⁸ См., напр., относительно пыток ст. 7 (1) Уголовного кодекса Чешской Республики 2009 г. (в редакции 2011 г.), ст. 698–2 Уголовно-процессуального кодекса Франции, § 312a Уголовного кодекса Республики Австрия 1974 г. (в редакции 2019 г.); относительно насильственных исчезновений — ст. 689–13 Уголовно-процессуального кодекса Франции, § 312b Уголовного кодекса Республики Австрия, ст. 185bis (2) Уголовного кодекса Швейцарии от 21 декабря 1937 г. (RS 311.0).

агрессивной войне». Это Азербайджан, Армения, Беларусь, Венгрия, Восточный Тимор, Вьетнам, Казахстан, Латвия, Литва, Молдова, Польша, Португалия, Таджикистан и Узбекистан.²⁹ Таким образом, универсальная юрисдикция постепенно проникает в законодательство и правоприменительную практику разных стран.

Обязательство государств проводить расследование и осуществлять уголовное преследование

Многие комментаторы и правозащитники считают, что это обязательство относится ко всем преступлениям, нарушающим императивные нормы (*jus cogens*), а следовательно — ко всем преступлениям, на которые распространяется универсальная юрисдикция. Правовед Джована Давидович утверждает, что отказ от преследования за нарушение этих норм наносит ущерб международному верховенству права, и эта угроза создает особый статус для международного уголовного преследования за нарушения императивных норм.³⁰

Менее радикальная версия императивного подхода ограничивается такими преступлениями как геноцид, пытки и определенные военные преступления — исходя из теории о том, что соответствующие международные договоры напрямую требуют уголовного преследования за совершение этих преступлений.³¹ Договоры и конвенции налагают на государство обязательство расследовать серьезные международные преступления и подвергать виновных в их совершении судебному преследованию — либо выдавать их другим государствам, готовым это сделать. Это обязательство часто называют принципом *aut dedere aut judicare*. Соответственно, любое государство, ратифицировавшее такой договор или присоединившееся к нему, должно либо привлечь виновного к ответственности, либо экстрадировать его. Исследователи Ховард Варни и Катаржина Здунчик отмечают в связи с этим, что юрисдикция, возникающая из этих обязательств, не является по-настоящему универсальной — она ограничена юрисдикционным режимом, состоящим из стран — участниц соответствующего договора.³²

---

²⁹ A. Hartig. Domestic Criminal Courts as Gap-Fillers?: Avoiding Impunity for the Commission of the Crime of Aggression against Ukraine. *Völkerrechtsblog*, 12.04.2022 (<https://voelkerrechtsblog.org/domestic-criminal-courts-as-gap-fillers/>).

³⁰ J. Davidovic. Universal Jurisdiction and International Criminal Law. In: *The New Philosophy of Criminal Law*. C. Flanders and Z. Hoskins (eds). 2016, pp. 123–127.

³¹ E. Kontorovich. The Inefficiency of Universal Jurisdiction // *University of Illinois Law Review*. 2008. N. 1., pp. 405–406.

³² H. Varney, K. Zduńczyk. *Advancing Global Accountability. The Role of Universal Jurisdiction in Prosecuting International Crimes*. Research report. International Center for Transitional Justice, 2020, p. 9.

Поскольку практика в подавляющем большинстве случаев противоречит императивному подходу, некоторые комментаторы отрицают наличие у государств обязательства осуществлять уголовное преследование,³³ ссылаясь вместо этого на право установления универсальной юрисдикции в отношении некоторых преступлений.³⁴ Государства явно не готовы выполнять роль «глобального полицейского», который должен предотвращать важнейшие международные преступления, совершенные в любой точке мира, и наказывать совершивших их преступников. Они предпочитают ограниченный подход непредоставления «тихих гаваней», в соответствии с которым государства не должны становиться убежищами для участников таких преступлений. В последние годы внедрение этого принципа достигло важных успехов в национальных законодательствах и практиках, так что он чаще фигурирует в национальной³⁵ и международной риторике.³⁶

Проблема заочного применения универсальной юрисдикции

Еще один спорный вопрос заключается в том, может ли осуществляющее судебное преследование государство применять свою универсальную юрисдикцию только в тех случаях, когда предполагаемый преступник находится в этом государстве, или постоянно проживает в нем, или получил его гражданство (так называемая условная универсальная юрисдикция), — или наличия подобной связи с государством, осуществляющим преследование, не требуется (так называемая «абсолютная» или «чистая» универсальная юрисдикция). Принято считать, что правовое основание этой практики следует искать в международном обычном праве, поскольку никаких конвенционных норм, будь то позволяющих государствам применять универсальную юрисдикцию заочно или запрещающих им это делать, по всей видимости, не существует. С одной стороны, практика отдельных государств представляется двойственной: в то время как существующее во многих странах законодательство не позволяет правоприменителю осуществлять абсолютную юрисдикцию,³⁷ законы

---

³³ E. Kontorovich. Op. cit., pp. 405–406.

³⁴ H. Varney, K. Zduńczyk. Op. cit., p. 11.

³⁵ Согласно изданному Кабинетом Великобритании меморандуму, государственная политика страны не допускает предоставления «тихой гавани» военным преступникам или лицам, совершившим другие серьезные нарушения норм международного права (Note on the investigation and prosecution of crimes of universal jurisdiction. Government of the United Kingdom. 2018, para. 1. https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/709126/universal-jurisdiction-note-web.pdf).

³⁶ L. Reydams. Op. cit., p. 22.

³⁷ Согласно позиции Бразилии, обвиняемый должен обязательно присутствовать на территории государства (Speakers Disagree on How, When, Where Universal Jurisdiction Should Be Engaged, as Sixth Committee Takes up Report on Principle. Op. cit.).

других стран разрешают это делать³⁸— а в случае Южной Африки это в определенных случаях даже становится обязательным.

Критики «абсолютной» универсальной юрисдикции придерживаются мнения, что этот более широкий принцип либо незаконен, либо может легко приводить к непозволительному нарушению суверенитета иностранных государств, к нежелательной конкуренции между юрисдикциями различных государств («судебному хаосу»), к политическим злоупотреблениям и (политически мотивированной) избирательности.³⁹

Однако различные авторы соглашаются с тем, что совершение по крайней мере некоторых процессуальных (следственных) действий в рамках универсальной юрисдикции в отсутствие разыскиваемого или обвиняемого лица возможно с точки зрения международного права.⁴⁰ Таким образом, нахождение обвиняемого на территории страны, осуществляющей уголовное преследование, с самого начала следствия, является лишь национальным процессуальным условием для применения универсальной юрисдикции — требованием, не обусловленным международным правовым обязательством, а предъявляемым государством добровольно лишь по политическим причинам. Такими причинами могут быть политические мотивы (применение столь широкой юрисдикции может быть политически нецелесообразно, не способствуя международным отношениям) и практические соображения, касающиеся сложности сбора доказательств и стремления не перегружать национальную судебную систему. Цель производства заочных следственных действий (получение информации, свидетельских показаний) может состоять в сборе доказательств в рамках будущей правовой помощи в интересах государства, на территории которого находится предполагаемый преступник, или в свете ожидаемого прибытия подозреваемого на территорию государства, осуществляющего преследование, в будущем, или (если будет признано, что заочные следственные действия могут также включать в себя принудительные меры, такие как выдача ордера на арест или запроса об экстрадиции) для подготовки запроса об экстрадиции в адрес государства, на территории которого проживает или находится предполагаемый преступник.⁴¹

---

³⁸ Сальвадор подчеркнул, что применение принципа универсальной юрисдикции не требует присутствия обвиняемого на территории Сальвадора. Необходимо лишь наличие последствий деяния для охраняемого международным правом имущества и причинения им серьезного ущерба международно признанным правам человека (Speakers Disagree on How, When, Where Universal Jurisdiction Should Be Engaged, as Sixth Committee Takes up Report on Principle. *Op. cit.*).

³⁹ P. Caban. *Op. cit.*, p. 179.

⁴⁰ P. Caban. *Op. cit.*, p. 180; X. Philippe. *Op. cit.*, p. 380.

⁴¹ P. Caban. *Op. cit.*, p. 181.

Германия может служить примером эффективной имплементации «абсолютной универсальной юрисдикции». Она сочетается здесь с довольно широким усмотрением органов прокуратуры в том, что касается универсальной юрисдикции: прокурор имеет право прекратить дело или отказать в его возбуждении, если преступление совершено за пределами территории Германии, если предполагаемый преступник не является и вряд ли станет в будущем резидентом Германии, если преследование за совершение преступления уже осуществляется международным судом или государством, (a) на территории которого было совершено преступление, (b) гражданин которого либо подозревается в совершении преступления, либо (c) является пострадавшим в результате его совершения. Прокурор также может прекратить дело после начала формального производства, если продолжение этого производства нанесло бы серьезный ущерб Германии или иному, более важному публичному интересу.⁴² Благодаря предусмотренной законодательством возможности начать предварительное следствие заочно в Германии было инициировано несколько «структурных расследований» (см. ниже). По прошествии нескольких лет это привело к выявлению нескольких лиц, совершивших серьезные международные преступления, дела о которых были впоследствии рассмотрены судами.

Этот многообещающий пример, впрочем, не переубеждает противников универсальной юрисдикции. Как отметил представитель Буркина-Фасо, процитировав высказывание Председателя Международного суда ООН Жильбера Гийома в решении по делу «Демократическая Республика Конго против Бельгии»,⁴³ «международное право отвергает универсальную юрисдикцию, тем более оно отвергает универсальную юрисдикцию *in absentia*».⁴⁴

Иммунитеты

Вопрос об иммунитетах отличается особой сложностью ввиду взаимовлияния правовых норм об иммунитетах и международного уголовного права, результатом которого стали ожесточенные споры среди ученых и практиков.

Существует два типа иммунитетов. Персональным иммунитетом, или иммунитетом *ratione personae*, наделяются определенные должностные лица на основании занимаемой ими должности, а не совершенных ими

---

⁴² P. Caban. Op. cit., p. 178.

⁴³ Case concerning the arrest warrant of 11 April 2000 (Democratic Republic of the Congo v. Belgium), ICJ, Judgment of 14 February 2002.

⁴⁴ Speakers Disagree on How, When, Where Universal Jurisdiction Should Be Engaged, as Sixth Committee Takes up Report on Principle. Op. cit.

действий. Государства обычно признают, что глава государства, глава правительства, послы, а также министры иностранных дел и обороны защищены персональным иммунитетом от уголовного преследования властями иностранного государства за преступления, совершенные ими в ходе исполнения своих должностных обязанностей. Персональный иммунитет прекращается с прекращением нахождения лица в должности.

Второй тип иммунитета называется функциональным, или иммунитетом *ratione materiae*. Он предоставляется лицам, исполняющим определенные официальные функции государства. Многие государства включают этот принцип в свои национальные законодательства. Однако как только обвиняемый освобождается от должности, он может быть немедленно привлечен к ответственности за преступления, совершенные до или после его нахождения в должности, или за преступления, совершенные во время нахождения в должности в личном качестве, вне связи с исполнением официальных функций.

В последние десятилетия постепенно складывается консенсус, согласно которому функциональный иммунитет не исключает уголовного преследования за совершение серьезных международных преступлений. Это было подтверждено в приговоре Нюрнбергского трибунала и получило свое развитие в практике Международного трибунала по бывшей Югославии. Позднее это было признано Генеральной Ассамблеей ООН, Комиссией международного права ООН и в решениях национальных судов, таких как приговор Верховного суда Израиля по делу Эйхмана⁴⁵ и приговор по делу Пиночета.⁴⁶ Наконец, в 2017 году Комиссия международного права в рамках своей работы над вопросами иммунитета должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции одобрила проект Статьи 7, подтвердивший, что функциональный иммунитет не применяется в случаях совершения лицом преступления геноцида, преступлений против человечности, военных преступлений, преступления апартеида, пыток и насильственных исчезновений.⁴⁷

Продолжаются споры о персональных иммунитетах высокопоставленных должностных лиц государств от уголовного преследования в национальных судах иностранных государств.⁴⁸ Согласно Принстонским принципам

---

⁴⁵ H. Varney, K. Zduńczyk. Op. cit., p. 22.

⁴⁶ Opinions of the Lords of Appeal for Judgement in the Cause *in re Pinochet* (Pinochet I). Judgment of 25 November 1998 (<https://internationalcrimesdatabase.org/Case/855/Pinochet/>).

⁴⁷ Проекты статей об иммунитете должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции, принятые в предварительном порядке Комиссией международного права, UN Doc. A/CN.4/722, 12 июня 2018 г., Статья 7 (<https://digitallibrary.un.org/record/1636856?ln=ru>).

⁴⁸ Так, представители Российской Федерации заявляли, что западные суды игнорируют иммунитет должностных лиц государств под предлогом осуществления универсальной юрисдикции, таким

универсальной юрисдикции «действующие главы Государства, аккредитованные дипломаты и другие должностные лица не могут подвергаться уголовному преследованию во время их нахождения в должности за деяния, совершенные в их официальном качестве».⁴⁹ Таким образом, персональный иммунитет должен соблюдаться при уголовном преследовании за совершение преступлений по международному праву в национальных судах,⁵⁰ то есть пока лицо продолжает занимать высокую государственную должность, оно не может преследоваться национальным судом иностранного государства. Пожалуй, самым известным примером может здесь служить постановление Международного суда ООН 2002 года, согласно которому бельгийский ордер на арест действующего министра иностранных дел Демократической Республики Конго Абдулайе Йеродия Ндомбаси, выданный на основании универсальной юрисдикции, противоречил требованиям международного права относительно иммунитетов и был, следовательно, недействителен.⁵¹

Суд, однако, подчеркнул, что «иммунитет от юрисдикции, которым пользуются действующие [должностные лица], не означает их безнаказанности в отношении тех или иных преступлений, которые они могут совершить» (п. 60 постановления). То есть иммунитет не освобождает обвиняемого от международно-правовой уголовной ответственности в абсолютном смысле — он лишь защищает его от уголовного преследования в определенных обстоятельствах, таких как преследование национальными судами. Кроме того, эта защита не абсолютна и не является индивидуальным правом, но находится в руках государства, с которым связан обвиняемый. Как заметил Суд, государство обвиняемого может само привлечь его к ответственности или отказаться от иммунитета. Суд пояснил далее, что иммунитет не является препятствием для преследования обвиняемого международным судебным органом, обладающим юрисдикцией в отношении совершенного преступления. Суд также указал на то, что защита иммунитета ослабевает после освобождения обвиняемого от его должности, что делает возражение против осуществления универсальной юрисдикции менее убедительным.⁵²

Подводя итог, можно сказать, что сложившийся подход позволяет уголовное преследование за совершение международных преступлений

образом злоупотребляя последней в политических целях (Speakers Disagree on How, When, Where Universal Jurisdiction Should Be Engaged, as Sixth Committee Takes up Report on Principle. *Op. cit.*).

⁴⁹ Princeton Principles on Universal Jurisdiction, 2001, p. 49 (https://lapa.princeton.edu/hosteddocs/unive_jur.pdf).

⁵⁰ P. Caban. *Op. cit.*, p. 185.

⁵¹ Case concerning the arrest warrant of 11 April 2000 (Democratic Republic of the Congo v. Belgium), ICJ, Judgment of 14 February 2002.

⁵² A. J. Colangelo. Universal Jurisdiction as an International "False Conflict" of Laws // Michigan Journal of International Law. 2009. Vol. 30, p. 916.

действующих высокопоставленных должностных лиц только международными судебными органами, но после освобождения их от должности они могут также преследоваться национальными судами иностранных государств в рамках универсальной юрисдикции.

Злоупотребление политической властью

Противники универсальной юрисдикции утверждают, что она используется как способ продвижения политических интересов или как инструмент несправедливых нападков на страны глобального Юга. В ходе совместного заседания Африканского союза (АС) и Европейского союза (ЕС) по вопросам применения универсальной юрисдикции европейскими государствами, организованного в 2009 году, африканская сторона заострила внимание на злоупотреблениях при применении универсальной юрисдикции.⁵³ По мнению африканских государств, предъявление обвинений и аресты должностных лиц используются исключительно против них, и применение универсальной юрисдикции европейскими государствами является политически избирательным. Африканцы подчеркнули, что большинство лиц, в отношении которых выдвинуты обвинения, — действующие должностные лица африканских государств, и такие обвинения имеют далеко идущие последствия для отношений между африканскими и европейскими государствами.⁵⁴ По мнению АС, обвинительные заключения, вынесенные европейскими государствами в отношении должностных лиц африканских государств, по сути распространяют на последние юрисдикцию европейских государств — вопреки принципам суверенного равенства и государственной независимости, что напоминает о временах колониализма.⁵⁵

Но обеспокоенность выражают не только африканские государства. На Семьдесят седьмой сессии Генеральной Ассамблеи ООН представитель Кубы выразил озабоченность «неправомерным использованием универсальной юрисдикции в одностороннем, избирательном и политически мотивированном осуществлении юрисдикции судов развитых стран в отношении граждан или юридических лиц развивающихся стран»,⁵⁶ а представитель Китая подчеркнул, что этим принципом нельзя злоупотреблять и что при осуществлении универсальной юрисдикции

---

⁵³ AU-EU Technical Ad hoc Expert Group on the Principle of Universal Jurisdiction Report. African Union. Addis Ababa, 15 April, 2009 (<https://reliefweb.int/report/sudan/au-eu-technical-ad-hoc-expert-group-principle-universal-jurisdiction-report>), para. 2.

⁵⁴ Ibid., para. 34.

⁵⁵ Ibid., para. 37.

⁵⁶ Speakers Disagree on How, When, Where Universal Jurisdiction Should Be Engaged, as Sixth Committee Takes up Report on Principle. Op. cit.

государства должны подчиняться принципам международного права, таким как суверенное равенство, невмешательство и иммунитет.⁵⁷

Аргумент о неокOLONиализме знаком нам по критике МУС, отмечает Тим Клувенс. Действительно, часто именно западные (европейские) государства заявляют о своей (абсолютной) универсальной юрисдикции, в то время как обвиняемые — обычно граждане незападных государств. Это объясняют ссылками на более развитые судебные системы западных государств, позволяющие им осуществлять судебное преследование по сложным делам о международных преступлениях самостоятельно. Кроме того, развивающиеся страны часто зависимы от западной помощи и поэтому не могут себе позволить инициировать разбирательства в отношении граждан западного государства.⁵⁸

Хотя на протяжении многих лет дела обстояли именно так, Флориан Йессбергер обращает внимание на новые глобальные тенденции в этой сфере, которые могут изменить ситуацию — регионализацию универсальной юрисдикции и ее реверсию.⁵⁹ Регионализация была продемонстрирована, среди прочего, уголовным преследованием бывшего диктатора Чада Хиссена Харе Специальным африканским трибуналом в Сенегале «от имени Африки» и на основе универсальной юрисдикции. Эти события можно только приветствовать — не только потому, что локальное (или, в данном случае, региональное) правосудие «лучше» правосудия универсального, совершаемого «третьими странами» вдалеке от пострадавшего общества, но и потому, что это хороший ответ на обеспокоенность «правовым империализмом».

Реверсия универсальной юрисдикции, то есть тенденция к ее использованию в отношении обвиняемых-европейцев, демонстрируется, среди прочего, усилиями аргентинских прокуроров по расследованию преступлений, совершенных при режиме Франко в Испании, и растущим вниманием к участию европейских компаний в совершении международных преступлений.⁶⁰ Обе эти тенденции могут стать ответом на восприятие (и снизить популярность восприятия) универсальной юрисдикции как постколониального инструмента европейских судебных

---

⁵⁷ Ibid.

⁵⁸ T. Kluwen. Op. cit., p. 34.

⁵⁹ F. Jeßberger. Op. cit., p. 9.

⁶⁰ Ярким примером может служить утверждение в ноябре 2022 года Верховным судом Швеции обвинительного заключения в отношении гражданина Швейцарии Алекса Шнайтера, обвиненного в совершении военных преступлений в Судане в 1999–2003 гг. Возглавляя отделение нефтеразведки шведской нефтяной компании «Лундин Энерджи», Шнайтер, по версии обвинения, заплатил суданской армии и негосударственным вооруженным группировкам за насильственное перемещение местного населения из богатых нефтью районов, чтобы обеспечить беспрепятственную работу своей компании (Universal Jurisdiction Annual Review 2023. Trial International. Geneva, 2023, p. 11).

систем для преследования за совершение преступлений, предположительно совершенных на глобальном Юге.⁶¹

Что касается политизации универсальной юрисдикции, то большое значение здесь имело дело о «пыточном досье», рассмотренное Конституционным судом Южной Африки: оно продемонстрировало, что политические решения о непроведении расследования международных преступлений из соображений дипломатии, добрососедства или политической целесообразности подлежат судебному контролю.⁶² В ходе слушаний по делу, возбужденному в защиту интересов жертв пыток в Зимбабве, Полицейская служба Южной Африки заявила, что отказ в расследовании был оправдан политическими соображениями (потенциальный ущерб отношениям между Зимбабве и Южной Африкой). Конституционный суд указал, что это оправдание противоречит принципу привлечения к ответственности за совершение международных преступлений, особенно учитывая, что политическое напряжение часто неизбежно. В частности, Суд отметил, что «когда речь идет об отказе в проведении следствия в соответствии с Законом о МУС, ... политические соображения или дипломатические инициативы теряют на этой стадии всякое значение».⁶³

Субсидиарный характер универсальной юрисдикции

В довольно большом количестве выступлений национальных делегаций в ООН подчеркивался субсидиарный характер универсальной юрисдикции. Например, Польша отметила, что универсальная юрисдикция затрагивает очень деликатный вопрос о том, как совместить свободу принятия каждым государством решений о собственной юрисдикции с обязательством уважать юрисдикцию других государств.⁶⁴ Делегат от Пакистана заявила, что универсальная юрисдикция не является основной формой юрисдикции и должна применяться только в исключительных обстоятельствах, будучи вторичной по отношению к национальной и территориальной юрисдикциям. Она также отметила, что универсальная юрисдикция не может осуществляться в отрыве от других принципов международного права, таких как суверенитет и территориальная целостность, и не должна использоваться как разрешение на подрыв

---

⁶¹ F. Jeßberger. Op. cit., p. 9

⁶² H. Varney, K. Zduńczyk. Op. cit., p. 23

⁶³ Ibid.

⁶⁴ P. Saganek. Statement. Republic of Poland Permanent Mission to the United Nations. Eighty-six Session of the General Assembly "The Scope and Application of the Principle of Universal Jurisdiction." New York, 19 October 2015, p. 3.

государственного суверенитета.⁶⁵ Представительница Мексики подчеркнула «фундаментальное различие между универсальной юрисдикцией и экстерриториальными формами юрисдикции, традиционно основанными на уголовном законодательстве государств». Она отметила, что прерогатива по применению своей юрисдикции должна принадлежать национальным судам, а это означает, что универсальная юрисдикция должна применяться только в случаях, когда территориальное государство не желает или не в состоянии сделать это и когда Международный уголовный суд не обладает юрисдикцией для рассмотрения дела.⁶⁶

Представляется не вполне понятным, почему государства с таким упорством возвращаются к этой теме, учитывая, что по этому вопросу нет разногласий ни между государствами, ни в академических кругах, которые в целом признают, что юрисдикция государства, намеревающегося осуществить уголовное преследование на основе универсальной юрисдикции, должна быть вторична по отношению к юрисдикции государства, где было совершено предполагаемое преступление, или государства, гражданином которого является предполагаемый преступник или потерпевший, и должна применяться лишь в качестве альтернативного механизма, если государства, обладающие основной юрисдикцией, не могут или не хотят добросовестно расследовать преступление и осуществить судебное преследование за его совершение.⁶⁷

Правовед Энтони Дж. Коланджелло даже утверждает, что не может быть никакого конфликта между государственным суверенитетом и универсальной юрисдикцией, «поскольку везде применяется один и тот же закон», ведь государство, осуществляющее универсальную юрисдикцию, добивается реализации нормативно-правовых устремлений, разделяемых всеми остальными. И поскольку осуществляющее универсальную юрисдикцию государство выполняет международно-правовую норму, которая была бы применена в любом случае, так как она действительна во всех других государствах, включая государства, обладающие национальной юрисдикцией, последние не могут возражать, ссылаясь на вмешательство в их суверенитет. Иначе говоря, они не могут, опираясь на международное право, заявлять о своем суверенитете в этих вопросах на основании того, что на их территории, например, геноцид, пытки или военные преступления законны. Следовательно, используя коллизионно-правовую терминологию, это «ложный конфликт», во-первых, потому что (i)

---

⁶⁵ Speakers Disagree on How, When, Where Universal Jurisdiction Should Be Engaged, as Sixth Committee Takes up Report on Principle. Op. cit.

⁶⁶ Ibid.

⁶⁷ P. Caban. Op. cit., p. 183.

государство, осуществляющее универсальную юрисдикцию, применяет норму, которая в силу международного права применяется в юрисдикциях всех остальных заинтересованных государств, а во-вторых, потому что (ii) никакое другое государство не может заявить о своей легитимной суверенной заинтересованности в выборе национального права, противоречащего этой норме.⁶⁸

---

⁶⁸ A. J. Colangelo. *Op. cit.*, p. 883.

III. О практиках государств

Органический рост применения универсальной юрисдикции

Еще пять лет назад господствовало мнение, согласно которому применение универсальной юрисдикции находится в упадке, его результаты в лучшем случае не впечатляют и далеки от «универсальности», а государства, находившиеся когда-то в первых рядах его энтузиастов, отходят от этой позиции одно за другим.⁶⁹ Однако статистические данные демонстрируют рост числа дел, по которым осуществляется уголовное преследование на основе универсальной юрисдикции, что стало отражением укрепления соответствующих институтов и совершенствования законодательства, учета полученного опыта, а также расширения возможностей для успешного расследования военных преступлений и уголовного преследования за их совершение в Европе.⁷⁰ По данным Еврюста, число вновь возбужденных дел об основных международных преступлениях выросло с 2016 по 2021 год на 44%.⁷¹ Обвинительные приговоры выносятся в связи с самыми разными ситуациями в таких странах как Афганистан, Иран, Руанда и Либерия — иногда за преступления, совершенные 40 лет назад. Рассмотрение многих других дел еще продолжается, а в 2023 году прошли или еще пройдут судебные процессы или апелляционные слушания в Германии, Финляндии, Франции и Швеции в связи с преступлениями, предположительно совершенными в Руанде, Сирии, Судане и Сьерра-Леоне.⁷²

Сегодня никто не отрицает, что универсальная юрисдикция может эффективно использоваться для борьбы с международными преступлениями. Различные исследования показывают, что число расследований и судебных преследований за совершение преступления геноцида, преступлений против человечности и военных преступлений растет каждый год. По данным организации Genocide Network, в 2019 году на рассмотрении судов в Европейском союзе на основе универсальной юрисдикции находилось более 2 900 дел — больше, чем 2 851 в 2016-м и 2 681 в 2017-м. В своем опубликованном в 2020 году докладе организация TRIAL International перечислила известные имена 207 подозреваемых по делам с применением универсальной юрисдикции по всему миру, число которых возросло на 40% с 2018 по 2019 год. Большинство из них обвинялись в

---

⁶⁹ L. Reydams. *Op. cit.*, p. 6.

⁷⁰ F. Jeßberger. *Op. cit.*, p. 9.

⁷¹ Universal Jurisdiction Annual Review 2023. *Op. cit.*, p. 12.

⁷² At a Glance: Universal Jurisdiction in EU Member States. Eurojust factsheet. The Hague, Netherlands, 2023, p. 4.

преступлениях против человечности (146), далее следовали военные преступления (141), пытки (92) и геноцид (21).⁷³ Эти цифры особенно значительны в сравнении с гораздо меньшим количеством приговоров, вынесенных за тот же период времени МУС.⁷⁴

Этот рост во многом вызван сотрудничеством между органами юстиции и специализированными НПО, чьи усилия по расследованию преступлений и оказанию помощи потерпевшим играют важнейшую роль. Кроме того, повышается профессиональный уровень специализированных прокуроров в области расследования международных преступлений. Суды, в свою очередь, рассматривая соответствующие дела год за годом, смогли разрешить целый ряд важнейших правовых вопросов.⁷⁵

Тем не менее, некоторые страны значительно отстают по части расширяющегося применения универсальной юрисдикции. Подавляющее большинство государств вообще никогда не применяли универсальную юрисдикцию — несмотря на включение этого института в их правовые порядки. Другим, в том числе многим европейским государствам, еще только предстоит принять адекватное и всеобъемлющее законодательство. Некоторые страны встречаются с техническими проблемами: даже если расследования ведутся, суды не всегда в состоянии справиться с растущей нагрузкой. Ресурсы вообще составляют проблему для многих государств, создавших специализированные подразделения: некоторые расследования продолжаются уже много лет, даже в случаях, когда подозреваемый содержится под стражей.

Взрывной рост применения универсальной юрисдикции в ответ на международные преступления, совершенные в Украине

По сообщению ведущей международной НПО, работающей в области универсальной юрисдикции, TRIAL International, 2022 год был отмечен беспрецедентной мобилизацией юридических и судебных ресурсов в ответ на международные преступления, совершенные в Украине.⁷⁶ Параллельно с началом разбирательств в Международном уголовном суде, Международном суде ООН и Европейском суде по правам человека, а также учреждением Советом по правам человека ООН Независимой международной комиссии по расследованию нарушений в Украине, многие страны инициировали пилотные расследования совершенных в Украине преступлений на национальном уровне. Внимание к жестокостям

---

⁷³ H. Varney, K. Zduńczyk. Op. cit., p. 35.

⁷⁴ F. Jeßberger. Op. cit., p. 9.

⁷⁵ Universal Jurisdiction Annual Review 2023. Op. cit., p. 12.

⁷⁶ Ibid., p. 10.

в Украине не ограничивается континентом, на котором находится эта страна: расследование в рамках универсальной юрисдикции было инициировано в Канаде, что может объясняться, среди прочих причин, значительным количеством приехавших туда потерпевших и свидетелей преступлений. «Структурные расследования», направленные не на конкретных лиц или конкретные инциденты, а на сбор доказательств совершения в ходе вооруженного конфликта преступлений, чтобы позволить следователям заранее выстраивать линию обвинения для будущих процессов, были запущены в нескольких странах, включая Польшу, Литву, Эстонию, Латвию, Словакию и Румынию.

Как было показано в предыдущей главе, за последнее десятилетие некоторые страны Европы получили большой опыт в расследовании международных преступлений — в частности, организуя структурные расследования силами специализированных следственных подразделений. Например, немецкие, французские и шведские прокуроры соответствующей специализации проводили такие расследования преступлений, совершенных во время сирийского вооруженного конфликта. Обвинительные приговоры, вынесенные в 2021 и 2022 годах в отношении сирийских должностных лиц по обвинениям в совершении преступлений против человечности, стали возможными благодаря структурному расследованию, начатому в Германии десятью годами ранее. Структурные расследования в связи с событиями в Украине, начатые в 2022 году, могут быть эффективнее с учетом накопленного таким образом опыта.

Политическая воля к привлечению виновных в ужасающих преступлениях в Украине к ответственности была продемонстрирована странами с очень небольшим опытом расследования международных преступлений или вообще без такого опыта. В связи с массовым притоком украинских беженцев прокуроры в Польше, Румынии, Словакии и Латвии, среди прочих стран, начали сбор свидетельских показаний с целью сохранить доказательственную базу для будущих судебных процессов. По мнению экспертов из TRIAL International, мобилизация столь значительного числа акторов рискует привести к дублированию, излишней задокументированности и повторной травматизации жертв, особенно учитывая разный уровень подготовки следователей.⁷⁷ Поэтому при посредничестве Евроюста была создана совместная следственная группа с участием семи европейских стран и МУС, чтобы координировать их усилия и способствовать большей эффективности.

---

⁷⁷ Ibid., p. 10.

Создание сильной доказательственной базы с самого начала вооруженного конфликта вселяет оптимизм в свете того факта, что одна из самых больших проблем для эффективного осуществления универсальной юрисдикции — это прошествие длительного времени, после которого свидетелей часто бывает трудно найти, а сами они забывают детали событий или уходят из жизни, в то время как документы и иные вещественные доказательства пропадают или уничтожаются. За прошедшие с начала конфликта десять месяцев за пределами России и Украины не был задержан ни один подозреваемый в совершении международных преступлений. Тем не менее, преступники могут когда-нибудь пересечь границы или переехать куда-то на постоянное место жительства. Собранные и сохраненные доказательства будут тогда играть огромную роль для привлечения их к ответственности. То же самое касается и перспектив задержания лиц, совершивших преступления против человечности в Беларуси. Как видно из практики применения универсальной юрисдикции, правосудие может свершаться и через десятилетия после совершенного преступления.

Взрывной рост в применении универсальной юрисдикции стал ответом на жестокие преступления, совершенные в Украине, которые побудили многие страны выделить дополнительные ресурсы. Однако этот недавний прогресс должен стать чем-то большим, чем временное явление. Как говорится в докладе TRIAL International, он должен превратиться в долговременный стратегический приоритет, предусматривающий выделение человеческих, финансовых и материальных ресурсов для расследований международных преступлений и судебного преследования виновных на постоянной основе — вне зависимости от внимания международной общественности к какой-либо конкретной ситуации.⁷⁸

Прецедент с делом Гаравского в Швейцарии

Предметом настоящего исследования стали расследования в рамках универсальной юрисдикции дел из Беларуси в четырех странах, где подавались жалобы от имени жертв преследований режима Лукашенко, произошедших после начала массовых протестов в ответ на фальсификацию результатов президентских выборов в августе 2020 года. Однако стоит начать это обсуждение с анализа дела, возникшего в более ранний период репрессий в Беларуси, которое было расследовано и рассматривалось в суде в стране, не включенной в настоящее исследование. Первым делом, касающимся ситуации в Беларуси и дошедшим до национального суда другой страны в рамках универсальной юрисдикции, стало дело Юрия Гаравского в Швейцарии.

---

⁷⁸ Ibid., p. 10.

Современное определение международных преступлений было введено в Швейцарский уголовный кодекс (ШУК) в 2001 году с целью инкорпорации Римского статута в действующее законодательство страны. Сегодня швейцарские правоохранительные органы наделены универсальной юрисдикцией для уголовного преследования за совершение следующих преступлений: геноцид, преступления против человечности, военные преступления и насильственное исчезновение (как отдельный состав преступления) — в случаях, когда они совершены в другой стране гражданином другой страны в отношении граждан другой страны.⁷⁹ Преступления против человечности были введены в ШУК 1 января 2011 года. Их определение основано на Статье 7 Римского статута. В ШУК для квалификации деяния как широкомасштабного или систематического нападения не требуется наличия политики государства или организации, однако оно может использоваться в целях контекстуальной информации, чтобы продемонстрировать систематический характер нападения. Статья 246а ШУК содержит перечень преступных деяний, которые аналогичны соответствующим преступлениям, перечисленным в Статье 7 Римского статута. Однако определения некоторых из них отличаются в определенных элементах составов. Насильственное исчезновение как самостоятельный состав преступления было включено в ШУК в январе 2017 года. До вступления в силу этой нормы уголовное преследование за насильственное исчезновение могло осуществляться только как за часть преступления против человечности. С 2017 года швейцарские правоохранительные органы наделены универсальной юрисдикцией для преследования любого лица, совершившего это преступление, согласно статье 185bis(2) ШУК. Статья 185bis ШУК воспроизводит определение, сформулированное для насильственного исчезновения как преступления против человечности в статье 264a(1)(e) ШУК, которое, в свою очередь, следует Статье 2 Международной конвенции для защиты всех лиц от насильственных исчезновений.

Это положение требует наличия четырех элементов состава преступления «насильственное исчезновение»:

- 1) лишение лица свободы;
- 2) разрешение или согласие государства или политической организации;
- 3) отказ в предоставлении информации о судьбе или местонахождении лица;
- 4) умысел на оставление лица без защиты закона.

---

⁷⁹ Universal Jurisdiction. Law and Practice in Switzerland. Briefing paper. Open Society Justice Initiative, TRIAL International. New York, 2019, p. 6.

Статья предусматривает санкции как для лица, лишившего потерпевшего свободы, так и для лица, отказавшего в предоставлении информации о его местонахождении. Важное различие между Конвенцией о насильственных исчезновениях и ШУК состоит в том, что ШУК не требует участия в совершении деяния государства — достаточно разрешения или согласия политической организации. При этом ШУК определяет «политическую организацию» как любое негосударственное образование, осуществляющее фактическую власть над какой-либо территорией или контролирующее ее часть. Еще одно различие заключается в том, что отказ в предоставлении информации о судьбе или местонахождении лица наказуем только в том случае, если такое поведение нарушает юридическую обязанность соответствующего субъекта предоставлять информацию.

Процесс Юрия Гаравского, бывшего бойца белорусского СОБРа (специальный отряд быстрого реагирования Министерства внутренних дел Беларуси), который независимые белорусские СМИ называли «эскадронам смерти», состоялся в сентябре 2023 года в швейцарском кантоне Санкт-Галлен. Это был первый процесс в истории Швейцарии, на котором иностранный гражданин обвинялся в насильственном исчезновении.

Гаравский бежал из Беларуси в Швейцарию в 2018 году и обратился за политическим убежищем. Годом позже в интервью Deutsche Welle он рассказал о своем участии в 1999 году в похищении и убийстве сотрудниками СОБРа ведущих оппозиционных лидеров — Юрия Захаренко, Виктора Гончара и Анатолия Красовского. Официальное расследование похищения и убийства в Беларуси было неэффективным. В 2004 году спецдокладчик ПАСЕ Христос Пургуридес пришел к выводу о том, что Захаренко, Гончар и Красовский были похищены спецподразделением госбезопасности под командой подполковника Дмитрия Павличенко, причем все это происходило с ведома руководства страны. Доклад ПАСЕ, однако, не привел к раскрытию этих преступлений в Беларуси. На основе признания Гаравского в интервью 2019 года заявление о совершении им преступлений было направлено в следственные органы швейцарского кантона Санкт-Галлен в 2021 году — это сделали организации TRIAL International, FIDH и правозащитный центр «Вясна», а также родственники двоих из похищенных. Эта процедура стала возможной в результате применения универсальной юрисдикции, поскольку на момент подачи жалобы обвиняемый находился на территории Санкт-Галлена.

До процесса появились надежды на то, что в случае вынесения обвинительного приговора он будет способствовать активизации расследования по жалобам, поданным белорусскими жертвами пыток и

других преступлений в правоохранительные органы других стран, а также что в ходе процесса Гаравского могут открыться новые обстоятельства и появиться новые доказательства, что позволит инициировать официальное расследование роли других вероятных участников похищения и убийства белорусских оппозиционных политиков.⁸⁰ Однако к большому разочарованию авторов жалобы, родственников жертв и всех заинтересованных лиц после двухдневного разбирательства суд признал Юрия Гаравского невиновным в насильственных исчезновениях — несмотря на то, что он публично и неоднократно признавался в своем участии и просил за него прощения. Несмотря на совпадение позиций подозреваемого, его защитника, обвинения и заявителей относительно того, что г-н Гаравский действительно принимал участие в этих трагических событиях, суд постановил, что его участие не доказано вне пределов разумного сомнения. Хотя суд признал ответственность за преступления режима Лукашенко, судьи не были убеждены в участии обвиняемого. Показания г-на Гаравского в зале судебных заседаний отличались от показаний, данных им на предварительном следствии, и в суде он часто старался уйти от ответа. В результате судьи не пришли к заключению о его участии в совершении преступлений и предположили, что часть информации о событиях обвиняемый мог узнать из разговоров с коллегами.

Результат процесса «...может быть и следствием недостаточной работы обвинения, и следствием процессуальных причин, но не обязательно вердикт ставит под сомнение само событие преступления», — заметил юрист одной из НПО, составивших жалобу.⁸¹ Учитывая, что обвинительный приговор, основанный исключительно на сведениях, полученных от обвиняемого, и его признании, был бы весьма сомнительным, можно было предполагать, что следователи и судьи предпримут дополнительные усилия для получения иных доказательств. Однако, принимая во внимание атмосферу секретности, окружавшую эти трагические события, и прошедшие с момента совершения преступления 24 года, это было бы крайне непросто.

В порядке пояснения к приговору судья отметил, что это особое дело, в котором «замешаны власти, и именно они ответственны за насильственные исчезновения. Сегодня был оправдан Юрий Гаравский — но не представители режима в Беларуси». По словам трех правозащитных

---

⁸⁰ Отрощенко А. Эксперт: Швейцарский суд не ограничится лишь выяснением роли Гаравского в исчезновениях. 19 сентября 2023 г. (<https://reform.by/jekspert-shvejcarskij-sud-ne-ogranichitsja-lish-vyjasneniem-rolj-garavskogo-v-ischeznovenijah>).

⁸¹ Суд оправдал белорусского спецназовца Гаравского. Он утверждал, что причастен к исчезновению оппонентов Лукашенко. Сергей Горяшко, Би-би-си. 28 сентября 2023 г. (<https://www.bbc.com/russian/articles/c98dlv0lnvxo>).

организаций, подавших жалобу, «независимо от вердикта, судебный процесс над Юрием Гаравским уже создал исторический прецедент: впервые в мире суд вынес решение по преступлениям, совершенным на территории Беларуси, на основе принципа универсальной юрисдикции. Сегодняшний оправдательный приговор свидетельствует о том, что путь к правосудию иногда усыпан подводными камнями. Однако это не подорвет решимости жертв продолжить борьбу за правду и справедливость. Три партнерские организации подчеркивают, что международное сообщество должно активизировать свои усилия по привлечению к ответственности высших должностных лиц режима и положить конец безнаказанности за преступления, совершенные в Беларуси».⁸² НПО заявили о своем намерении обжаловать приговор.

Польша

Как заявила польская делегация в ООН, Польша принадлежит к группе государств, сделавших выбор в пользу широкого охвата универсальной юрисдикции.⁸³ Глава XVI польского Уголовного кодекса посвящена преступлениям против мира, преступлениям против человечности и военным преступлениям; в ней криминализованы практически все категории преступлений, известные международному праву.⁸⁴ Статья 110 Уголовного кодекса⁸⁵ предусматривает, что польский уголовный закон применяется к иностранцу, который совершил за рубежом преступление против интересов Республики Польша или польских граждан. Та же статья предусматривает, что польский уголовный закон применяется в случае совершения иностранцем «иного преступления, чем указано в § 1, если это преступление предусмотрено в польском уголовном законе и за него установлено наказание в виде лишения свободы на срок свыше двух лет, а виновный пребывает на территории Республики Польша, и не принято решение о его выдаче» (Глава XIII Кодекса).

Соответствующие положения польского законодательства (после принятия Уголовного кодекса в 1997 году в него много раз вносились изменения и дополнения) подвергаются критике учеными. В частности, Новак указывает на двусмысленные определения в составах преступлений, содержащие терминологию, которая чужда и польскому праву, и в некоторых случаях

---

⁸² Беларусь: Оправдание бывшего члена «эскадрона смерти» Лукашенко в Швейцарии. Пресс-релиз TRIAL International, FIDH и правозащитного центра «Вясна», 28 сентября 2023 г. (<https://www.fidh.org/ru/regiony/evropa-i-central-naya-aziya/belarus/belarus-opravdanie-byvshego-chlena-eskadrona-smerti-lukashenko-v>).

⁸³ P. Saganek. Op. cit., p. 3.

⁸⁴ W. Zontek. Can Putin Be Tried in Poland? 20 April 2022 (<https://verfassungsblog.de/can-putin-be-tried-in-poland/>).

⁸⁵ Dz.U.2022.0.1138 t.j. Ustawa z dnia 6 czerwca 1997 r. Kodeks karny. (<https://sip.lex.pl/akty-prawne/dzu-dziennik-ustaw/kodeks-karny-16798683>).

Статуту МУС, который был взят за образец при подготовке изменений и дополнений к Кодексу. Положения Статута МУС не были инкорпорированы в кодекс напрямую, целиком, но в то же время положения, уже существовавшие в польском законодательстве, не были изменены с целью приближения их к формулировкам Римского статута. В результате получилась терминологическая путаница, которая может с трудом поддаваться толкованию⁸⁶ и препятствовать применению универсальной юрисдикции в Польше.

Отсутствие ясности в законодательстве — не единственная причина того, что дела о преступлениях, предусмотренных в Главе XVI, редко расследуются и становятся предметом судебного разбирательства в Польше. Среди других причин можно назвать недостаточную осведомленность о них сотрудников правоохранительных органов, недостаток необходимой квалификации и финансирования и, наконец, недостаточную осведомленность и интерес к преследованию за совершение таких преступлений общественности.⁸⁷ Кроме того, положение ст. 110, предусматривающее, что преступление должно быть совершено «против интересов Республики Польша или польских граждан», ограничивает охват универсальной юрисдикции и создает возможность для широкого усмотрения со стороны сотрудников правоохранительных органов.

Правоприменительная практика

1 марта 2022 года польский министр юстиции вынес постановление о проведении расследования в отношении России в связи с ее нападением на Украину и возможными военными преступлениями и преступлениями против человечности. В рамки расследования включены также действия властей Республики Беларусь, оказывавших содействие России.⁸⁸ Это решение было принято после того, как с просьбой провести расследование к властям Польши обратилась Украина. Как было указано в пресс-релизе Мазовецкого отдела Департамента по вопросам организованной

---

⁸⁶ Напр., в Статье 7 Римского статута говорится о «широкомасштабном или систематическом нападении на любых гражданских лиц», а в новой редакции ст. 118а Уголовного кодекса Польши упоминается «массовое нападение на население». Уголовный кодекс запрещает «изнасилование или другие нарушения сексуальной свободы с использованием насилия, незаконных угроз или обмана», но остается неясным, полностью ли эти термины покрывают «изнасилование, обращение в сексуальное рабство, принуждение к проституции, принудительную беременность, принудительную стерилизацию или любые другие формы сексуального насилия сопоставимой тяжести», упоминаемые в п. г ч. 1 Статьи 7 Римского статута. Большая часть этих новых терминов не определена в польском законе — единственное содержащееся непосредственно в Кодексе разъяснение касается термина «рабство» (ст. 115 § 23 УК). (C. Nowak. *The Internationalization of the Polish Criminal Law: How the Polish Criminal Law Changed Under the Influence of Globalization // Crime, Law and Social Change*. 2013. N. 59, p. 150)

⁸⁷ C. Nowak. *Op. cit.*, p. 152.

⁸⁸ Mazowiecki pion PZ PK wszczął śledztwo w sprawie napaści Rosji na Ukrainę. 1 March 2022 (<https://www.gov.pl/web/prokuratura-krajowa/mazowiecki-pion-pz-pk-wszczal-sledztwo-w-sprawie-napasci-rosji-na-ukraine>).

преступности и коррупции Национальной прокуратуры в Варшаве, «нарушение законных прав страны, непосредственно граничащей с Польшей, представляет собой угрозу европейской и международной безопасности. Оно также направлено против интересов международного сообщества, которое включает в себя Польшу». Министр юстиции и Генеральный прокурор Збигнев Зёбро подчеркнул, что в рамках расследования по делу прокуратура планирует документировать все события, что впоследствии станет основой для привлечения совершивших преступления лиц к международной уголовной ответственности.⁸⁹

Всего через три недели после начала полномасштабной агрессии Польша, Литва и Украина создали Совместную следственную группу (JIT)⁹⁰ для расследования основных международных преступлений, предположительно совершенных на территории Украины. Вскоре к ним присоединились Эстония, Латвия, Словакия и Румыния. Было налажено сотрудничество с МУС и Европолем и подписан меморандум о сотрудничестве с США. Цель JIT заключается в том, чтобы способствовать следствию и судебному преследованию в участвующих странах, а также расследованию дел, которые могут быть переданы в МУС.⁹¹ Правовед Дайан Орендликер отмечает, что в случае достижения определенных договоренностей между Украиной и ее партнерами эта группа может стать основой для возникновения типа уголовно-правовых полномочий, который можно лучше всего описать как «делегированная юрисдикция».⁹² Другие комментаторы отмечают, что запуск разбирательства в Польше можно считать символическим и что оно не будет вступать в конфликт с международными расследованиями. Напротив, оно поможет МУС, способствуя сбору доказательств упорядоченным образом.⁹³

Эти доказательства могут также впоследствии использоваться в уголовном процессе на национальном уровне: хотя представляется маловероятным, что перед польским судом предстанут ответственные за принятие политических решений обитатели Кремля во главе с Владимиром

---

⁸⁹ Działania Ministerstwa Sprawiedliwości i polskiej prokuratury wobec wojny na Ukrainie. 1 March 2022 (<https://www.gov.pl/web/sprawiedliwosc/dzialania-ministerstwa-sprawiedliwosci-i-polskiej-prokuratury-wobec-wojny-na-ukrainie>).

⁹⁰ Совместная следственная группа (joint investigation team, JIT) — один из наиболее передовых инструментов, используемых для международного сотрудничества в области уголовной юстиции, представляющий собой юридически обязывающее соглашение между компетентными органами двух или более государств для проведения уголовных расследований. (Joint investigation teams. Website of the EU Agency for Criminal Justice Cooperation. <https://www.eurojust.europa.eu/judicial-cooperation/instruments/joint-investigation-teams>).

⁹¹ Joint investigation team into alleged crimes committed in Ukraine, Website of the EU Agency for Criminal Justice Cooperation (<https://www.eurojust.europa.eu/joint-investigation-team-alleged-crimes-committed-ukraine>).

⁹² D. Orentlicher. How States Can Prosecute Russia's Aggression With or Without "Universal Jurisdiction". 24 March 2022 (<https://www.justsecurity.org/80818/how-states-can-prosecute-russias-aggression-with-or-without-universal-jurisdiction/>).

⁹³ W. Zontek. Op. cit.

Путиным, такая судьба вполне может постичь людей из военных или гражданских кругов (например, сотрудников пропагандистских СМИ или олигархов), поддержавших российскую агрессию и совершение военных преступлений. При наличии достаточной информации о таких людях можно будет предъявить им обвинение заочно и обратиться в Интерпол за красным уведомлением.⁹⁴ Тем временем само расследование демонстрирует безразличие международного сообщества к происходящему. Проведение расследования польской прокуратурой следует рассматривать как выполнение государством своих международных обязательств по уголовному преследованию за совершение преступлений, составляющих предмет регулирования международного права.⁹⁵

Ситуация с рассмотрением дел из Беларуси

Известно, что начиная с 2020 года в Польше подавались заявления о поведении расследований по делам из Беларуси в рамках универсальной юрисдикции (как сообщается, было подано до 10 таких заявлений). К этому числу относятся заявления в интересах как белорусских, так и польских граждан, ставших жертвами пыток и других преступлений, находясь во власти режима Лукашенко. Этими делами занимаются белорусские НПО и отдельные адвокаты на безвозмездной основе. Подробная информация по таким делам недоступна как в публичном доступе, так и для организаций, профессионально занимающихся темой и следящих за развитием событий. По их мнению, это связано с тем, что при рассмотрении различных вопросов, касающихся таких дел, суды применяют по отношению к участникам процесса «оговорку о неразглашении», которая исключает распространение информации не только о личности потерпевших, свидетелей или подозреваемых, но и о движении дела, стадиях следствия и совершаемых процессуальных действиях. Это приводит к тому, что государственные органы, адвокаты и НПО крайне неохотно дают комментарии по таким делам или вовсе отказываются это делать.

Дела, связанные с универсальной юрисдикцией в контексте событий в Беларуси, можно разделить на две категории: первая — это дела польских граждан, чьи права были нарушены на территории Беларуси представителями белорусского режима, вторая же — дела граждан Беларуси. В то время как дела о преступлениях в отношении польских граждан имеют, судя по всему, более реальные перспективы и, похоже, пользуются поддержкой Генеральной прокуратуры Польши, по делам

---

⁹⁴ Ibid.

⁹⁵ Ibid.

беларусских граждан правоохранительные органы проявляют пассивность и нежелание действовать.

Из анализа двух дел, касающихся граждан Беларуси, о которых стал доступен относительно большой объем информации, можно сделать определенные выводы. Заявления по обоим делам были поданы в районную прокуратуру Шрудмestья (согласно требованиям уголовно-процессуального законодательства, когда невозможно определить подследственность по основаниям, предусмотренным в законе, заявления подаются именно в этом районе). Прокуратура приняла заявления для предварительного рассмотрения, тем самым признав подследственность. Следует отметить, что заявления по делам, касающимся польских граждан, были приняты Национальной прокуратурой, занимающей более высокое положение в иерархии органов прокуратуры.⁹⁶

По обоим делам беларусских граждан в проведении расследования было отказано. По первому делу отказ был мотивирован отсутствием в нем «интереса Республики Польша». Следственные органы пришли к этому заключению без проведения каких-либо следственных действий (опросов потерпевших и свидетелей). Решение об отказе в проведении расследования было обжаловано в суде. Суд признал это решение противоречащим закону и обязал прокуратуру принять заявление, опросить потерпевших и свидетелей и определить подследственность дела по существу. Проведя следственные действия, прокуратура вновь прекратила дело. Это решение было также обжаловано в суде. Суд счел необходимым запросить сведения о деле из Литвы, где к тому времени шло следствие по другим делам из Беларуси в рамках универсальной юрисдикции, поэтому следовали могли обладать сведениями, важными для польского дела. Однако суд поручил направить запрос не уполномоченным польским прокурорам, имеющим возможность направлять такие официальные запросы в рамках соглашения с Литвой о международном правовом сотрудничестве, а представителю потерпевших, который в настоящее время пытается получить эту информацию. Судя по всему, в отсутствие решения о начале официального следствия по делу и судебного ордера польские прокуроры не обладают достаточными полномочиями, чтобы направить запрос в адрес литовских правоохранительных органов. В то же время представляется маловероятным, что последние ответят на запрос, направленный представителем потерпевшего, когда официальное следствие не ведется. Ситуация напоминает замкнутый круг.

---

⁹⁶ Однако не вполне ясно, на какой стадии находится предварительное следствие по этим делам, ввиду отображения правоохранительными органами «подписки о неразглашении» у участников дел, связанных с универсальной юрисдикцией.

В проведении расследования по второму делу в связи с заявлением граждан Беларуси в рамках универсальной юрисдикции также было отказано — на этот раз, однако, «в связи с невозможностью произвести следствие», в частности, получить информацию от государственных органов Беларуси. Это решение прокуратуры было обжаловано в суде. Насколько известно, в конце ноября суд отказал в удовлетворении жалобы. На момент написания настоящего доклада мотивировочная часть этого решения была недоступна.

Таким образом по состоянию на конец 2023 года не наблюдается никакого прогресса с проведением официальных расследований в Польше по делам о предполагаемых преступлениях в отношении белорусских граждан в рамках универсальной юрисдикции. Учитывая возбуждение уголовных дел в ситуациях, касающихся граждан Польши, чьи права были нарушены режимом Лукашенко в Беларуси, и граждан Украины (в рамках расследования совершенных в этой стране военных преступлений), эта непоследовательность показывает, что законодательство Польши в интерпретации польских правоохранительных органов допускает широкое толкование и применение. Некоторые из участвующих в этих процессах НПО полагают, что очевидно разное отношение к гражданам разных государств в применении универсальной юрисдикции может быть истолковано как дискриминация по признаку гражданства.

Ситуация с делами, потерпевшими в которых выступают польские граждане, выглядит кардинально иначе. В октябре 2023 года польские и независимые белорусские СМИ сообщили, что польская прокуратура выдала европейский ордер на арест шести белорусских силовиков, включая начальника центра изоляции правонарушителей (ЦИП) Окрестина и его заместителя, а также нескольких других сотрудников белорусских правоохранительных органов, подозреваемых в совершении преступлений на территории Беларуси в 2020 году. Они объявлены в международный розыск. Имена этих лиц и должности, занимаемые ими на момент совершения предполагаемых преступлений, таковы: Евгений Шапетько — майор, начальник ЦИП Окрестина; Глеб Дриль — майор, заместитель начальника ЦИП Окрестина; Дмитрий Стребков — начальник исправительного учреждения «Тюрьма № 8 г. Жодино»; Евгений Савич — прапорщик милиции, ОМОН ГУВД Мингорисполкома; Юлия Соколова — старший лейтенант милиции, ОГИМ ГУВД Мингорисполкома; Карина Валуйская — прапорщик милиции, патрульно-постовая служба милиции Фрунзенского РУВД Минска. Их подозревают в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 189 Уголовного кодекса Польши, «Совершение преступления, связанного с лишением свободы человека, с особой жестокостью». Информация о подозреваемых опубликована

государственным телеканалом Польши на основании данных прокуратуры Польши.⁹⁷ Стало известно, что двое заявителей по этому делу — польские граждане.

Представляется, что основные препятствия для расследований по делам с применением универсальной юрисдикцией на основании заявлений граждан Беларуси в Польше таковы:

- секретность, окружающая рассмотрение дел, связанных с совершенными в Беларуси международными преступлениями, которая представляется выходящей за пределы разумных мер, направленных на защиту потерпевших, свидетелей и подозреваемых;
- отсутствие единого специализированного органа, который отвечал бы за расследование преступлений, подпадающих под универсальную юрисдикцию, и недостаточная компетентность прокурорских работников в соответствующем международном праве, которая приводит к их явному нежеланию проводить такие уголовные расследования;
- недостаточные разъяснения относительно толкования норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства, касающихся дел, которые подпадают под универсальную юрисдикцию, включая толкование положений ст. 110 Уголовного кодекса, предусматривающих, что преступление должно быть совершено «против интересов Республики Польша или польских граждан»;
- отсутствие какой-либо (финансовой, информационной или психологической) государственной и общественной поддержки для адвокатов, ведущих такие дела на безвозмездной основе, что лишает их возможности принимать поручения по многим делам и уделять много времени уже принятым поручениям.

Кроме того, пассивность польских следственных органов свидетельствует о том, что они не считают международные преступления, совершенные в Беларуси против белорусских граждан, нарушениями международного права и угрозой международному правопорядку. Основные аргументы, используемые польской прокуратурой для отказа в проведении следствия по делам, касающимся белорусских граждан, в рамках универсальной юрисдикции, — это «отсутствие юрисдикции Польши ввиду отсутствия польских интересов в таких делах» и «невозможность проведения

---

⁹⁷ Преступников режима Лукашенко впервые объявили в международный розыск. 20 октября 2023 г. (<https://belsat.eu/ru/news/20-10-2023-prestupnikov-rezhima-lukashenko-vpervye-obyavili-v-mezhdunarodnyj-rozysk>).

следствия и получения необходимых сведений от компетентных органов Беларуси». Такие аргументы, однако, не используются в отношении дел, подпадающих под универсальную юрисдикцию и затрагивающих интересы граждан Украины, и в этих случаях дела возбуждаются.

Наконец, принуждение заявителей и их представителей к «подписке о неразглашении», которая исключает распространение информации не только о личности потерпевших, свидетелей или подозреваемых, что представляет собой стандартную практику, но и о движении дела, стадиях следствия и совершаемых процессуальных действиях, противоречит общественному интересу. Оно не позволяет гражданскому обществу и демократическим силам в Беларуси, а также их союзникам в Польше добиваться более эффективного применения принципа универсальной юрисдикции в Польше и прогрессивных изменений в законодательстве и правоприменительной практике страны, а также мешает перспективам оказания помощи и поддержки правоохранительным органам в виде, среди прочего, укрепления потенциала и обучения. Наконец, оно лишает тысячи других людей, переживших международные преступления режима Лукашенко, желания добиваться справедливости в Польше.

Литва

Согласно ст. 7 («Уголовная ответственность за совершение преступлений, предусмотренных международными договорами») Уголовного кодекса Литвы,⁹⁸ за совершение ряда преступлений «лица несут ответственность по настоящему Кодексу вне зависимости от их гражданства и места проживания, а также места совершения преступления и того, предусмотрено ли за совершенное деяние наказание в соответствии с законами места совершения преступления». К ним относятся: 1) преступления против человечности и военные преступления (ст. ст. 99–113); 2) торговля людьми (ст. 147); 3) покупка или продажа ребенка (ст. 157); 4) изготовление, хранение или оборот поддельной валюты или ценных бумаг (ст. 213); 5) отмывание имущества (ст. 216); 6) получение взятки (ст. 225); 7) торговля влиянием (ст. 226); 8) дача взятки (ст. 227); 9) пиратство (ст. 251¹); 10) террористические акты и преступления, связанные с террористической деятельностью (части 1 и 2 ст. 252¹); 11) незаконное обращение с ядерными или радиоактивными материалами или иными источниками ионизирующего излучения (ст. ст. 256, 256¹ и 257); 12) преступления, связанные с владением наркотическими или психотропными, токсичными

---

⁹⁸ Закон № VIII-1968 от 26 сентября 2000 г. с изменениями и дополнениями от 2015 г. (<https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalActPrint/lt?jfwid=rivwzvpvg&documentId=a84fa232877611e5bca4ce385a9b7048&category=TAD>).

или сильнодействующими веществами (ст. ст. 259–269); 13) преступления против окружающей среды (ст. ст. 270, 270¹, 270², 270³, 271, 272 and 274).

Важно отметить, что пытки и насильственные исчезновения как отдельные составы преступлений не входят в перечень ст. 7 и, соответственно, не подпадают под универсальную юрисдикцию в Литве. Однако если они совершены в ходе совершения преступлений против человечности или военных преступлений, они квалифицируются как нарушения ст. 100 («Обращение с лицами, запрещенное международным правом»), ст. 100¹ («Насильственное исчезновение») и ст. 103 («Причинение вреда здоровью, применение пыток или другого бесчеловечного обращения по отношению к лицам, находящимся под защитой международного гуманитарного права, или нарушение защиты их имущества»). Они включены в сферу применения ст. 7 как преступления против человечности и военные преступления. Таким образом, виновные в совершении этих преступлений могут быть привлечены к уголовной ответственности только в том случае, если обвинению удастся предоставить суду убедительные доказательства того, что обвиняемыми совершены преступления против человечности или военные преступления.

В ст. 7 не упомянуты какие-либо условия, необходимые для применения универсальной юрисдикции. К таковым часто относится невозможность выдачи или передачи преступника в то государство, где было совершено преступление. Равным образом в ст. 7 не упомянута приоритетная юрисдикция государства, на территории которого было совершено преступление или гражданин которого совершил преступление, — в некоторых странах эти государства имеют приоритет в части права подвергнуть лицо наказанию за совершение международного преступления. Возможность подвергать преступника суду и уголовному преследованию заочно, появившаяся в Уголовном кодексе в 2010 году, является важнейшим его положением, и литовские дипломаты гордятся эффективной имплементацией этого принципа.⁹⁹

Правоприменительная практика

Расследования и несколько прошедших в 2010-е годы судебных процессов в отношении подозреваемых в нападениях на литовские пограничные и таможенные посты в 1990–1991 годы, в период после объявления Литвой независимости от Советского Союза в марте 1990 года, можно рассматривать как события, предвосхитившие сегодняшнюю работу по

---

⁹⁹ Submission No. SN78-144 of 7 May 2021 pursuant to the General Assembly resolution 75/142 of 15 December 2020 “The Scope and Application of the Principle of Universal Jurisdiction.” Permanent Mission of the Republic of Lithuania to the United Nations, pp. 3, 4 (https://www.un.org/en/ga/sixth/76/universal_jurisdiction/lithuania_e.pdf).

делам, подпадающим под универсальную юрисдикцию в Литве, и позволившие получить полезный опыт расследования и уголовного преследования за совершение иностранными гражданами преступлений против человечности, на которые распространяются положения Уголовного кодекса об универсальной юрисдикции.¹⁰⁰

На момент этих событий советская власть не признавала независимость Литвы и считала эти пограничные и таможенные посты незаконными. Сотрудники ОМОНа («отряда милиции особого назначения»), подчинявшиеся советскому министерству внутренних дел, неоднократно атаковали посты, нападая на литовских таможенников и полицейских, выполнявших функции пограничников. В нескольких случаях безоружные литовские таможенники и вооруженные полицейские подвергались запугиваниям, их машины похищали или взрывали, посты сжигали или разрушали, а работа пограничных переходов всячески саботировалась. Серия нападений в период между декабрем 1990 и августом 1991 года привела к гибели восьми литовских граждан; около 60 полицейских и таможенников подверглись нападениям и были ранены, а 23 пограничных поста были сожжены или разрушены. Ни советские, ни российские власти не проводили никаких расследований этих событий.

В отношении подозреваемых в совершении этих преступлений в Литве состоялись несколько судебных процессов, один очный и несколько заочных. Сначала, в декабре 2006 года, литовская прокуратура выдала европейский ордер на арест гражданина Латвии Константина Никулина (который впоследствии сменил фамилию на Михайлов, воспользовавшись программой защиты свидетелей в рамках другого уголовного дела в Латвии). 28 января 2008 года Верховный суд Латвии принял решение об экстрадиции Михайлова в Литву. 11 мая 2011 года Михайлов был признан виновным в убийстве нескольких «литовских должностных лиц, охранявших литовскую государственную границу», и приговорен к пожизненному лишению свободы. Он обжаловал приговор, настаивая на своей невинности, в то время как литовская прокуратура также обжаловала решение суда в надежде на осуждение Михайлова за совершение преступлений против человечности. 6 июня 2016 года Апелляционный суд оставил в силе приговор в части наказания в виде пожизненного лишения свободы и переквалифицировал состав преступления на «обращение с лицами, запрещенное международным правом» (ст. 100 Уголовного кодекса Литвы, Глава XXV, «Преступления против человечности и военные преступления»). Михайлов обжаловал это

---

¹⁰⁰ J. H. Anderson. Why Lithuania is at the Forefront of the Ukrainian Lawfare. 9 September 2022 (<https://www.justiceinfo.net/en/106188-why-lithuania-forefront-ukrainian-lawfare.html>).

решение в Верховный суд Литвы, который позднее оставил приговор в силе.

Другие лица, подозреваемые в нападениях, — Чеслав Млынник, Александр Рыжов и Андрей Лактионов — имеют гражданство России и не были экстрадированы. В декабре 2010 года Литва внесла поправку в свой Уголовный кодекс, разрешающую заочное рассмотрение дел по обвинениям в совершении преступлений против человечности. В июне 2013 года Литва завершила заочные досудебные процедуры для подготовки судебного рассмотрения дела в отношении трех подозреваемых в совершении преступлений против человечности и выдала европейские ордера на их арест. В октябре 2016 года все трое были заочно приговорены к пожизненному лишению свободы. Наконец, еще один заочный судебный процесс был проведен в отношении командиров вильнюсского ОМОНа Болеслава Макутыновича и Владимира Разводова. В июле 2015 года вильнюсский районный суд оправдал обвиняемых. Приговор был обжалован литовской прокуратурой. Согласно неподтвержденным данным, в ноябре 2015 года Макутынович скончался. 24 января 2017 года Апелляционный суд постановил, что районный суд неверно истолковал закон, полагая, что преступления против человечности могут быть совершены только во время войны или иного вооруженного конфликта, и приговорил Разводова к 12 годам лишения свободы. Считается, что Разводов проживает в России, и Литва выдала европейский ордер на его арест.¹⁰¹

В марте 2022 года Генеральная прокуратура Литвы инициировала расследование преступлений, совершенных на территории Украины после начала российского вторжения, включая военные нападения на гражданских лиц и врачей, разрушение жилых домов, больниц, образовательных учреждений и других объектов гражданской инфраструктуры, что привело к гибели взрослых и детей.¹⁰² Расследование ведется по статьям 100 («Обращение с лицами, запрещенное международным правом»), 110 («Агрессия») и 111 («Запрещенное военное нападение») Уголовного кодекса. Оно ведется в отношении не только Владимира Путина, но и Александра Лукашенко. По утверждениям Генеральной прокуратуры, цель следствия состоит в получении и документировании показаний людей, бегущих из Украины в другие европейские страны, и сборе всевозможных материалов, которые могут быть использованы для привлечения преступников к ответственности.

---

¹⁰¹ Информация об этих процессах основана на многочисленных сообщениях в прессе..

¹⁰² Lithuania prosecutors launch Ukraine war crimes investigation. 3 March 2022 (<https://www.reuters.com/world/europe/lithuania-prosecutors-launch-ukraine-war-crimes-investigation-2022-03-03/>).

«Признавая, что основное право на привлечение к ответственности лиц, виновных в развязывании военной агрессии в Украине, принадлежит прокуратуре этой страны, мы также понимаем, что ей нужна помощь в осуществлении такого судебного преследования», — отметила литовская прокуратура в своем заявлении. В то же время подчеркивается, что уголовный процесс в отношении военных преступников в Литве возможен лишь в том случае, если невозможно обеспечить его проведение в Украине или в международных судебных органах.¹⁰³

Ситуация с рассмотрением дел из Беларуси

В 2020 году литовская Генеральная прокуратура начала предварительное расследование преступления, состоявшего в применении пыток к гражданину Беларуси Максиму Хорошину. Максим Хорошин утверждает, что 13 октября 2020 года, после участия в митинге за демократию в Минске, он подвергся нападению и пыткам со стороны силовиков режима Лукашенко. Заявление о проведении расследования применения пыток во время его нахождения под стражей в Минске было подано Хорошиным 30 ноября 2020 года. Имена подозреваемых в настоящее время не раскрываются; по сообщениям в прессе один из них — заместитель министра внутренних дел Беларуси Николай Карпенков.¹⁰⁴

Председатель Конституционного суда Литвы Дайнюс Жалимас описывал потенциал применения принципа абсолютной юрисдикции в отношении дел из Беларуси следующим образом: «Не должны создаваться условия, позволяющие уйти от наказания за совершение международных преступлений, в том числе совершаемых в настоящее время в Беларуси, включая преступления против человечности, то есть массовое применение пыток и массовые преследования по политическим причинам белорусских граждан, вставших на защиту верховенства права и демократии. Универсальная юрисдикция основывается на обязательных требованиях международного права, определяющих международные преступления как преступления в отношении всего международного сообщества — и, таким образом, против всего человечества. Ответственность за их совершение возникает независимо от того, предусматривают ли соответствующую уголовную ответственность законы того государства, где они совершены. Международное сообщество взяло на себя обязательство преследовать в судебном порядке людей, совершающих эти преступления. Таким образом, универсальная юрисдикция может быть целесообразным и действенным

---

¹⁰³ Pradėtas ikiteisminis tyrimas dėl nusikaltimų žmoniškumui Rusijai užpuolus Ukrainą. 2022 m. kovo 3 d. (<https://www.delfi.lt/news/daily/lithuania/pradetas-ikiteisminis-tyrimas-del-nusikaltimu-zmoniskumui-rusijai-uzpuolus-ukraina.d?id=89606209>).

¹⁰⁴ Universal Jurisdiction Annual Review 2022. Universal jurisdiction, an overlooked tool to fight conflict-related sexual violence. Trial International. Geneva, 2022, p. 70.

инструментом для предотвращения безнаказанности, а также инструментом для предотвращения самих международных преступлений».¹⁰⁵

По решению Генеральной прокуратуры при Департаменте полиции по расследованию особо опасных преступлений (Бюро криминальной полиции) была создана специальная следственная группа для расследования дел в рамках универсальной юрисдикции; в нее также входят два следователя прокуратуры. Группа была создана сразу после начала следствия по делу Хорошина. По словам причастных к делу адвокатов, решение о проведении следствия было принято на высоком политическом уровне — была продемонстрирована политическая воля к расследованию международных преступлений и привлечению виновных к ответственности. Как утверждают представители государственных структур, с самого начала расследования у правоохранительных органов не было сомнений в том, что речь идет не об отдельных случаях, а о результате государственной политики, и что жертвы пыток не имеют возможности добиться справедливости в самой Беларуси. В то же время основная проблема состоит не в том, чтобы начать следствие, а в том, чтобы собрать достаточные доказательства совершения преступлений против человечности для передачи дела в суд, а также в задержании преступников.

Следственная группа активно сотрудничает с белорусскими и литовскими НПО и адвокатами, которые опрашивают потерпевших, изучают их документы и на основе доступных материалов готовят для специальной следственной группы письменные объяснения и заявления о признании потерпевшими, помогают следователям установить контакты с бывшими сотрудниками белорусских правоохранительных органов, которые могут дать свидетельские показания о структуре этих органов, субординации сотрудников и т. д.

Дело Максима Хорошина — ведущее дело, касающееся событий в Беларуси. Показания других потерпевших объединяются следователями в материалы одного большого дела, за исключением явно отличающихся с юридической точки зрения ситуаций (например, дело Пальчиса, где в первую очередь идет речь о нарушениях прав ребенка, было направлено в прокуратуру отдельно). По информации из различных источников, сегодня дело объединяет до 55 потерпевших. Значительное число потерпевших проживает на территории других стран (например, Польши), власти которых не возбуждают дела по их заявлениям.

---

¹⁰⁵ Dainius Žalimas: There can be no impunity for international crimes. 4 November 2020 (<https://lrkt.lt/en/news/other-news/dainius-zalimas-there-can-be-no-impunity-for-international-crimes/1636>).

По мнению представителей правоохранительных органов, специальная следственная группа использует инициативный подход к расследованию дел, ведя поиск дополнительных сведений о подозреваемых, обстоятельствах предполагаемых преступлений и субординации. Представитель Генеральной прокуратуры подчеркнул, что именно члены группы рекомендовали НПО сообщать не только о случаях применения пыток, но и о нарушениях других прав и свобод по политическим причинам, поскольку они могут рассматриваться как вид такого преступления против человечности как «преследование».

Следует отметить, что оценки взаимодействия между государственными органами и НПО разнятся. Представители НПО говорят о проблеме закрытости следствия и отсутствия обратной связи от правоохранительных органов. Они указывают на то, что следствие топчется на месте: например, НПО утверждают, что часто после первоначальных опросов потерпевших никаких следственных действий не производится, дела не анализируются на предмет взаимодополняемости, следователи не пытаются опросить как свидетелей потерпевших, которые пострадали от пыток и бесчеловечного обращения в том же месте в тот же самый период времени.

Аналогичным образом правоохранительные органы не обращаются к НПО за помощью, а том числе в поиске свидетелей и описании отдельных ситуаций и моментов, когда совершались предполагаемые преступления, хотя у НПО есть много информации, которая могла бы помочь следствию. НПО сомневаются в том, что их отчеты, направленные следственной группе, в том числе содержащие информацию об отдельных ситуациях, анализируются и используются следствием.

Сотрудники правоохранительных органов, в свою очередь, говорят о том, что в целом в ходе следствия наблюдается определенный прогресс: был идентифицирован ряд конкретных подозреваемых, которые могли быть причастны к совершению преступлений, ведется работа по получению сильной доказательственной базы (что представляет собой проблему во всех делах с применением универсальной юрисдикции, когда собрать информацию на месте невозможно) и конкретизации обвинений. Они также утверждают, что все материалы, предоставляемые НПО, изучаются. В начале лета 2023 года планировалось передать дело по заявлениям нескольких десятков заявителей в суд ближе к концу года с перспективой проведения заочного судебного разбирательства. Однако позднее было решено, что заочный процесс — не лучшее решение, учитывая все более распространенную практику режима Лукашенко проводить политически мотивированные процессы по обвинениям оппозиционеров заочно, и что вместо этого, возможно, будет лучше выдать ордера на арест и ждать

посещений подозреваемыми одной из стран, готовых их задержать и экстрадировать.

Еще одна проблема, на которую указывают НПО и сотрудники правоохранительных органов, состоит в необходимости направлять обвинительное заключение в Беларусь перед передачей дела в суд. Судя по всему, это считается формальным требованием договора о правовой помощи по уголовным делам. Однако некоторые из опрошенных считают эту процедуру необязательной, поскольку подозреваемые являются агентами того государства, которому должно направляться обвинительное заключение, и, совершая преступления, они выполняли приказы должностных лиц этого же государства. Основная проблема здесь состоит не только в том, что направление обвинительного заключения может становиться предупреждением для подозреваемых и препятствовать их поездкам за границу, где их теоретически могут задержать. Важнее то, что раскрытие информации о заявителях создает риски для безопасности их родственников, проживающих в Беларуси.

Это требование также создает серьезное процессуальное препятствие: направленное белорусским властям письмо с обвинительным заключением не может содержать имена потерпевших (заявителей), находящихся в Европе под международной защитой, поскольку их имена не могут раскрываться властям страны, из которой они бежали из-за преследования. Следует отметить, что проблема недопустимости раскрытия перед белорусскими властями имен лиц, находящихся под международной защитой, обсуждается как представителями НПО, так и органами государственной власти не только в Литве, но и в других странах. Многие считают, что имена жертв можно просто не раскрывать, основываясь на прецедентном праве ЕСПЧ, — так же, как не раскрываются имена секретных свидетелей.

Однако существует и другой подход. Так, по словам одного из опрошенных сотрудников Генеральной прокуратуры Литвы, «нет никакого обязательства отправлять документы в Беларусь, когда ее должностные лица объявляются в розыск. Ордера на арест нужно просто отправлять в Интерпол, но они не должны быть детальными, чтобы избежать утечки информации о жертвах белорусским властям через белорусские или российские бюро Интерпола».

Самая серьезная проблема с точки зрения как правоохранителей, так и НПО состоит в том, что даже если собрана сильная доказательственная база, выдвинуты обвинения в отношении подозреваемых и выданы ордера на их арест через Интерпол или Европол, шансы на то, что они когда-либо

появятся на территории государств, которые будут готовы и способны их задержать, весьма невелики. В наши дни они крайне редко посещают страны ЕС. Эта проблема усугубляется запретами на въезд, наложенными на ряд белорусских силовиков, включая полицейских, сотрудников следственных изоляторов, прокуроров и судей, в порядке международных санкций. Очевидный конфликт между необходимостью наложения и расширения персональных санкций как важным инструментом привлечения нарушителей к ответственности с одной стороны, и необходимостью обеспечить их арест в случае их въезда в страны, власти которых будут готовы их задержать и экстрадировать, — с другой активно обсуждается как правоприменителями, так и гражданским обществом в Литве — и не имеет простого решения.

В связи с этим вопрос о том, следует ли инициировать заочный судебный процесс, активно дебатруется в Литве среди представителей правоохранительных органов и НПО. С одной стороны, у Литвы есть положительный опыт проведения таких судебных процессов, которые привели несколько лет тому назад к заочному осуждению бывших советских силовиков, признанных виновными в нападениях на литовские пограничные посты в 1990–1991 годах. Эти расследования и процессы считаются важными символами восстановления справедливости в стране. С другой стороны, в сегодняшних обстоятельствах, когда режим Лукашенко проводит многочисленные показательные процессы в отношении находящихся в изгнании лидеров белорусской оппозиции по сфабрикованным обвинениям, штампуя один заочный обвинительный приговор за другим, использование этого юридического механизма в Литве может восприниматься как плата той же монетой. То есть такие процессы и приговоры могут легко списываться на месть и чисто политический жест. Представители правоохранительных органов и НПО в равной степени склоняются к подходу, предполагающему выдачу ордеров на арест без передачи дела в суд и ожидание того дня, когда кто-то из подозреваемых ослабит бдительность и окажется в стране, где он может быть задержан. Сам факт выдачи ордеров на арест может становиться средством предотвращения новых преступлений и даже причиной раскола элит, как полагают некоторые представители НПО.

Несмотря на прогресс, достигнутый следствием в Литве, особенно по сравнению с другими странами, НПО довольно критично высказываются о недостаточной информации, предоставляемой правоохранительными органами о его ходе и своих планах. НПО также считают, что следственной группе не помешали бы дополнительные человеческие ресурсы и экспертная поддержка академического и экспертного сообщества: небольшой группе явно непросто вести довольно объемное дело с

многочисленными потерпевшими и подозреваемыми, тем более что вполне вероятно появление новых жалоб от других жертв преступлений. Наконец, НПО отмечают, что не наблюдают какой-либо четкой стратегии, касающейся долговременных планов работы по вопросам применения универсальной юрисдикции. Это подтверждается отсутствием открытости и информирования по подобным делам.

Чешская Республика

В чешском уголовном праве принцип универсальной юрисдикции закреплен в статьях 7 и 8 Уголовного кодекса.¹⁰⁶ Согласно ст. 7 («Принцип защиты и принцип универсальности») Уголовного кодекса Чешской Республики, закон Чешской Республики применяется для оценки преступности следующих деяний: пытки и другое жестокое и бесчеловечное обращение (ст. 149), подделка и видоизменение денег (ст. 233), сбыт поддельных или видоизмененных денег (ст. 235), производство и владение оборудованием для производства поддельных денег (ст. 236), незаконное производство денег (ст. 237), подрывная деятельность против Республики (ст. 310), террористический акт (ст. 311), террор (ст. 312), диверсия (ст. 314), шпионаж (ст. 316), применение насилия в отношении органа государственной власти (ст. 323), применение насилия в отношении представителя власти (ст. 325), подделка и видоизменение официальных документов (ст. 348), участие в организованной преступной группировке в соответствии с ч. 2 и ч. 3 ст. 361, геноцид (ст. 400), преступления против человечности (ст. 401), апартеид и дискриминация в отношении групп населения (ст. 402), подготовка наступательной войны (ст. 406), применение запрещенных средств и методов ведения войны (ст. 411), военные жестокости (ст. 412), преследование населения (ст. 413), мародерство в зоне боевых действий (ст. 414), злоупотребление международно признанными и государственными символами (ст. 415), неправомерное использование флага и перемирия (ст. 416), причинение вреда парламентарии (ст. 417). Универсальная юрисдикция может быть применена даже в тех случаях, когда преступление было совершено за рубежом иностранным гражданином или лицом без гражданства, не имеющим права на постоянное проживание на территории Чешской Республики. Кроме того, закон Чешской Республики применяется для оценки преступности деяния, совершенного за рубежом в отношении чешского гражданина или лица без гражданства, имеющего право на постоянное проживание на территории Чешской Республики, если это деяние является уголовно наказуемым по месту его совершения или если на место его совершения не распространяется какая-либо уголовная юрисдикция.

---

¹⁰⁶ Закон № 40/2009 Coll. от 8 января 2009 г. (https://www.ilo.org/dyn/natlex/natlex4.detail?p_lang=en&p_isn=84824&p_country=CZE&p_count=246).

Следует отметить, что, в отличие от Литвы, Уголовный кодекс Чешской Республики предусматривает применение принципа универсальной юрисдикции к пыткам как к отдельному составу преступления (ст. 149), а не как к элементу преступлений против человечности, которые также представлены в Кодексе (ст. 401). Это открывает перспективы для расследования в Чехии большего числа дел из Беларуси без необходимости доказывания совершенных в Беларуси преступлений против человечности.

Часть 1 статьи 8 («Субсидиарный принцип универсальности») предусматривает, что «чешский закон применяется для определения уголовной наказуемости деяния, совершенного за рубежом иностранным гражданином или лицом без гражданства, не имеющим права на постоянное проживание на территории Чешской Республики, если: (а) это деяние также уголовно наказуемо по законам, действующим на территории его совершения; и (b) лицо, совершившее деяние, задержано на территории Чешской Республики и не было выдано или передано для уголовного преследования иностранному государству или иному субъекту, уполномоченному осуществлять уголовное преследование». Третьим условием (с) для применения этого положения будет просьба иностранного государства или иного компетентного субъекта (международного судебного органа), ходатайствовавшего об экстрадиции подозреваемого, подвергнуть его судебному преследованию в Чешской Республике. Наконец, вышеописанные статьи 7 и 8 дополняются статьей 9, предусматривающей (ч. 1), что оценка преступности деяния производится на основании закона Чешской Республики также в случаях, когда это предусмотрено инкорпорированным в чешское законодательство международным договором; и (ч. 2) что положения статей 4–8 не применяются, если это недопустимо согласно международному договору. Следует отметить, что Чешская Республика является стороной целого ряда упомянутых многосторонних конвенций и двусторонних договоров, содержащих отсылки к принципу *aut dedere aut iudicare* и «договорной универсальной юрисдикции».¹⁰⁷

Правоприменительная практика

В 2010 году Чешская Республика направила информационное сообщение в ООН, в котором утверждалось, что «предпринимались попытки применить субсидиарный принцип универсальности на практике, но они не увенчались успехом (обычно в связи с непредоставлением государством, потребовавшим экстрадиции подозреваемого, достаточных доказательств

---

¹⁰⁷ P. Caban. Op. cit., p. 198.

для его уголовного преследования в Чешской Республике после отказа в экстрадиции, и часто также в связи с истечением срока давности)».¹⁰⁸ С 2010 года ситуация с применением универсальной юрисдикции не изменилась: согласно имеющейся информации, в настоящее время не расследуется ни одно дело. В то же время НПО сообщают, что для проведения таких расследований отсутствует политическая воля, хотя формальные заявления о готовности работать в этом направлении и заседания по этому вопросу в Министерстве юстиции и имели место.

Ситуация с рассмотрением дел из Беларуси

В феврале 2021 года юрист, работавший на безвозмездной основе при поддержке белорусской НПО, подал первое заявление о проведении расследования в рамках универсальной юрисдикции по делу, связанному с событиями в Беларуси. Им занимается Департамент по борьбе с организованной преступностью (NCOZ) Министерства внутренних дел. Следователи департамента не являются специалистами по международному праву и не знакомы с доктриной и стандартами в этой сфере. Дело было поручено им в той части, в какой оно относится к уголовному праву и процессу. По словам представителей одной из НПО, обращение с заявителем напоминало обращение не столько с потерпевшим, сколько с подозреваемым в совершении преступления. Он был подвергнут длительным и предвзятым допросам и осмотрам, ему задавали скептически сформулированные вопросы. В частности, сомнению была подвергнута его неудавшаяся попытка добиться справедливости в Беларуси. Несколько месяцев спустя полиция приняла решение «отложить рассмотрение дела», мотивировав это решение всего на нескольких страницах и приведя следующие причины:

1. Заявитель не принимал активного участия в политической деятельности и протестном движении до совершения преступления; следовательно, примененное к нему насилие не было связано с его политическими взглядами.
2. Примененное к потерпевшему насилие не было настолько интенсивным, чтобы считаться применением пыток (здесь было процитировано определение пыток из чехословацкого учебника 1958 года издания).
3. Травмы коленей могли быть вызваны не насилием, примененным в отношении потерпевшего, а другими процессами (возрастные изменения, последствия перенесенных ранее травм и т. д.).

---

¹⁰⁸ Ibid., p. 200.

4. Заявитель уже подал заявление в Беларуси о возбуждении уголовного дела в связи с примененным к нему сотрудниками полиции насилием.
5. Незаконные действия в Беларуси не носят систематического характера.
6. Имеющийся у потерпевшего статус лица, находящегося под международной защитой, не позволяет возбудить дело: белорусским властям невозможно направить обязательное письмо с запросом помощи по уголовному делу, так как нельзя раскрывать имя потерпевшего.

Большинство из этих аргументов не выдерживают никакой критики и опровергаются легко доступной информацией из открытых источников, в том числе фактом регулярного участия заявителя в протестном движении на протяжении как минимум нескольких месяцев до его задержания, решением Следственного комитета Беларуси отказать в его жалобе вместе с жалобами нескольких сотен пострадавших от примененного полицией насилия, исчерпывающим современным определением пыток, основанным на международных стандартах, а также доказательствами систематических и массовых нарушений прав человека и преступлений против человечности в Беларуси. Более того, существуют медицинские документы, подтверждающие факт применения к заявителю пыток, составленные как в Беларуси, так и в Чешской Республике, где он проходил лечение; наконец, можно было бы также провести новое медицинское освидетельствование.

Решение NCOZ «отложить рассмотрение дела» на основании этих аргументов демонстрирует явное нежелание — или неспособность — следователей отнестись к делу серьезно. Очевидно, что полицейские, профессионально занимающиеся борьбой с бандитами и организованными преступными группировками, не обладают квалификацией, необходимой для расследования дел о пытках и международных преступлениях. В том, что дело забуксовало, по большому счету нет их вины. Это государство — в данном случае представленное прокуратурой — должно было направить заявление органу, который укомплектован компетентными сотрудниками. То, что этого так и не произошло за два года, демонстрирует отсутствие политической воли.

Единственным серьезным препятствием для возобновления производства по делу остается факт нахождения заявителя под международной защитой. По мнению НПО, занимающейся делом, его возможное преодоление зависит от Министерства юстиции, поскольку именно этот орган

направляет извещение властям Беларуси о том, что X является подозреваемым по делу, в рамках договора о правовой помощи по уголовным делам. Согласно общим положениям чешского законодательства, в этом документе должно быть указано имя заявителя. Нахождение способа не указывать его — прерогатива Министерства юстиции. Выход из сложившейся ситуации найти можно: существует практика сокрытия имен засекреченных свидетелей в уголовном судопроизводстве. Однако для этого потребуется решение соответствующих должностных лиц.

Правозащитники готовы направить в прокуратуру еще десять дел. Они не сделали этого до сих пор из-за того, что все заявители по этим делам также получили международную защиту. Подача заявлений отложена до того момента, когда коллизия будет разрешена. Министерство юстиции проинформировано об этом в ходе встреч с представителями белорусских демократических сил и НПО, занимающихся вопросами универсальной юрисдикции, и его представители обещали приложить усилия к поиску решения.

Проблему нехватки специфических знаний у сотрудников департамента, отвечающих за расследование дела в рамках универсальной юрисдикции, можно решить путем создания руководства по расследованию дел о пытках и других международных преступлениях, аналогичного недавно изданному в Чехии по распоряжению Министерства юстиции руководству по расследованию военных преступлений в Украине. Сейчас это руководство, признанное крайне полезным как полицией, так и юристами, представляющими интересы потерпевших, можно найти в каждом полицейском департаменте. Идею создания пособия поддерживают и представители органов государственной власти.

Германия

Германия обладает наиболее передовым опытом применения принципа универсальной юрисдикции в правоприменительной практике из всех государств, представленных в настоящем докладе. Однако несмотря на достигнутый за последние годы прогресс и в том числе прецедентные судебные процессы, на которых были подвергнуты судебному преследованию и осуждены лица, виновные в серьезных международных преступлениях, как в законодательстве, так и в правоприменительной практике Германии сохраняются серьезные проблемы.

В разных государствах приняты очень разные модели универсальной юрисдикции. Во многих случаях ее применение зависит от дополнительных

условий, например от проживания или местонахождения на территории страны. Но согласно Кодексу Германии о преступлениях против международного права (КППМП),¹⁰⁹ прокуроры в принципе имеют право начинать расследования даже в тех случаях, когда преступление совершено за рубежом в отношении иностранных граждан и никак не связано с Германией. Однако эти широкие полномочия по принятию решения о проведении расследования сочетаются с дискреционными положениями, которые позволяют прокурору воздержаться от проведения расследования, если подозреваемый не находится в Германии и нет оснований предполагать, что он или она появится в стране в будущем. В то же время значительный контроль за делами, предполагающими использование универсальной юрисдикции, отдан в руки исполнительной власти.¹¹⁰ В год принятия КППМП (2002) законодатель внес изменения в Уголовно-процессуальный кодекс,¹¹¹ наделив Федерального прокурора возможностью воздержаться от проведения расследования в случае несоблюдения определенных требований. Согласно ст. 153f Уголовно-процессуального кодекса, прокуратура может отказаться от преследования за совершение международных преступлений, совершенных за рубежом, если подозреваемый не пребывает на территории ФРГ и такое пребывание не ожидается. Согласно ч. 2 той же статьи, прокуратура может, в частности, отказаться от преследования за совершение деяния, если соблюдены все следующие условия:

- не существует подозрения в отношении гражданина ФРГ,
- деяние не было направлено против гражданина ФРГ,
- ни один подозреваемый не пребывает на территории ФРГ и их пребывание не ожидается, и
- деяние преследуется международным судом или государством, на территории которого было совершено деяние, гражданин которого подозревается в совершении деяния или является потерпевшим в результате деяния.

Формулировки частей 1 и 2 ст. 153f Уголовно-процессуального кодекса однозначно предполагают, что прокурор наделен дискреционными полномочиями в принятии решения о том, возбуждать ли дело: даже если подозреваемый не находится в Германии и вряд ли появится в стране в ближайшее время, прокурор все равно может принять решение о

---

¹⁰⁹ Кодекс преступлений против международного права (КППМП) от 26 июня 2002 г. (Federal Law Gazette I, p. 2254) в последней редакции, утвержденной ст. 1 Закона от 22 декабря 2016 г. (Federal Law Gazette I, p. 3150) (https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_vstgb/englisch_vstgb.html).

¹¹⁰ L. Reydams. Op. cit., p. 19.

¹¹¹ Уголовно-процессуальный кодекс, опубликованный 7 апреля 1987 г. (Federal Law Gazette I, p. 1074, 1319), в последней редакции, утвержденной ст. 2 Закона от 25 марта 2022 г. (Federal Law Gazette I, p. 571) (https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_stpo/englisch_stpo.html).

проведении расследования и осуществлении судебного преследования. Реализация прокурорами дискреционных полномочий на практике показывает, что с наибольшей долей вероятности они берутся за дела, по которым есть возможность собрать доказательства в Германии, или в случаях, когда потерпевшие или свидетели находятся на территории Германии. В то же время они обычно воздерживаются от проведения расследования в случаях, когда нет шансов на сбор доказательств без использования механизма взаимной правовой помощи, если только подозреваемый не является гражданином Германии. Прокуроры используют механизм взаимной правовой помощи, но не выстраивают обвинение исключительно на основе полученных таким образом доказательств.

В случаях, когда доказательства в Германии отсутствуют, решение остается на усмотрение прокурора, то есть он вправе продолжить расследование, но на практике прокуроры делают это только в необычных случаях, особенно когда есть риск, что результативное преследование другим государством или МУС не гарантировано.¹¹² Между 2002 и 2011 годом в Федеральную прокуратуру было направлено более 60 заявлений, и все они остались без движения.¹¹³ Ученые предлагают расширить рамки судебного контроля над решениями прокуроров в целом или ввести требование о судебной санкции (разрешении) на приостановление ими расследования. Действительно, применение судебной санкции на приостановление прокурорами предварительного рассмотрения дела сделало бы эту практику более транспарентной и усилило бы контроль за качеством решений, а также способствовало бы дискуссии и повышению осведомленности общественности.¹¹⁴

Качество немецкого законодательства об универсальной юрисдикции оценивается учеными по-разному. Хотя в целом оно считается эффективным с точки зрения закрепления в нем принципа обязательного судебного преследования и возможности проводить расследования даже в случаях, когда подозреваемые находятся за пределами Германии, что позволяет закрепить доказательства и начать производство немедленно после появления обвиняемого в Германии, раскрыть роль «других акторов» и, наконец, поддержать другие механизмы привлечения к ответственности, включая гражданское судопроизводство,¹¹⁵ — эксперты отмечают его

---

¹¹² Universal Jurisdiction Law and Practice in Germany. Briefing paper. Open Society Justice Initiative, TRIAL International. New York, 2019, pp. 18–19.

¹¹³ L. Reydam. *Op. cit.*, p. 19.

¹¹⁴ M. Neuner. German Preliminary Examinations of International Crimes. In: Quality Control in Preliminary Examination: Volume 1. M. Bergsmo, C. Stahn (eds). Brussels: Torkel Opsahl Academic EPublisher, 2018, p. 176–177.

¹¹⁵ A. M. Pelliconi, F. Sironi De Gregorio. New Universal Jurisdiction Case Filed in Germany for Crimes Committed in Myanmar Before and After the Coup: On Complementarity, Effectiveness, and New Hopes for

непоследовательность в отношении судебного преследования за сексуализированное насилие. Исследовательницы и практикующие юристки в области международного правосудия Зильке Штудзински и Александра Лили Катер подчеркивают, в частности, что общий термин «другие формы сексуального насилия сопоставимой тяжести» не был инкорпорирован дословно из Римского статута в КППМП и был заменен термином «сексуализированное принуждение», взятым из ст. 177 Уголовного кодекса Германии.¹¹⁶ В связи с использованием узких, устаревших и дискриминационных требований — применение насилия, угрозы насилием, невозможность оказать сопротивление, — которым должно удовлетворять деяние, чтобы быть квалифицированным как сексуализированное принуждение, виновный может быть привлечен к ответственности только за некоторые формы и виды сексуализированного насилия, а другие остаются безнаказанными из-за законодательных пробелов. Хотя в 2016 году Уголовный кодекс Германии был изменен, в случае международных преступлений, совершенных до этого момента, применяются старая редакция. Однако есть надежда, что готовящаяся в настоящее время реформа КППМП исправит многие недостатки.¹¹⁷

Правоприменительная практика

Судебные преследования в рамках универсальной юрисдикции в Германии начинались не без сложностей. В первые годы после вступления в силу всеобъемлющего законодательного акта о преступлениях по международному праву в 2002 году расследования в Германии инициировались в единичных случаях. Как отмечает Йессбергер, федеральный прокурор, по-видимому, неохотно возбуждал дела на основании заявлений, направленных против высокопоставленных чиновников — например, бывшего министра обороны США Дональда Г. Рамсфелда. Но дела не столь высокого уровня стали постепенно доходить до судебной стадии, особенно когда Германия стала вливать значительные ресурсы в создание и деятельность следственных групп по расследованию военных преступлений.¹¹⁸ Расширение возможностей следствия и создание

Old Crimes. 7 March 2023 (ejiltalk.org/new-universal-jurisdiction-case-filed-in-germany-for-crimes-committed-in-myanmar-before-and-after-the-coup-on-complementarity-effectiveness-and-new-hopes-for-old-crimes/).

¹¹⁶ S. Studzinsky, A. L. Kather. Will Universal Jurisdiction Advance Accountability for Sexualized and Gender-based Crimes? A View from Within on Progress and Challenges in Germany // *German Law Journal*. 2021. Vol. 22, pp. 894–913, pp. 906–909.

¹¹⁷ В настоящее время в Бундестаге обсуждается новый проект закона. В случае его принятия пробелы, становящиеся причиной безнаказанности, будут ликвидированы. Среди прочего, в законе появится новый вид преступлений против человечности — сексуальное рабство. (Geplante Anpassungen im Völkerstrafrecht in erster Lesung beraten. <https://www.bundestag.de/dokumente/textarchiv/2023/kw48-de-voelkerstrafrecht-979660>).

¹¹⁸ L. Morris. Why Germany is Becoming a Go-to Destination for Trials on the World's Crimes. 6 March 2021 (https://www.washingtonpost.com/world/europe/germany-war-crimes-justice/2021/03/05/b45372f4-7b78-11eb-8c5e-32e47b42b51b_story.html).

в 2009 году специального департамента по расследованию международных преступлений в Федеральной прокуратуре и главного управления по борьбе с военными и иными преступлениями, предусмотренными КППМП, в Федеральном ведомстве уголовной полиции, привели к первым прорывным результатам.¹¹⁹ С 2009 по 2017 год число возбужденных дел постоянно росло — с трех расследований в 2009-м до 46 в 2017-м. Шесть из них были так называемыми «структурными расследованиями», как стали называть это «новое изобретение в уголовно-процессуальном праве».¹²⁰

Количество заявлений и сообщений, направляемых в прокуратуру, выросло многократно — с 25 в 2013-м до 200 в 2015-м и до 600 в 2017 году. Это было напрямую связано с конфликтом в Сирии и последующей иммиграцией сирийцев в Германию; большинство сообщений направлялись в прокуратуру и полицию Федеральным ведомством по вопросам миграции и беженцев. Так же постоянно возрастало и число прокуроров, работающих в составе специализированного департамента в Федеральной прокуратуре, а также полицейских в составе главного управления по борьбе с военными и иными преступлениями.

В целом Германия демонстрирует хороший пример «кривой обучения» в сфере применения универсальной юрисдикции в последние годы.¹²¹ Эксперты отмечают, что важную роль в оказании давления на власти с целью вынудить их инициировать расследования и судебные процессы сыграла сирийская диаспора Германии. Решение Федерального прокурора возбудить «аль-хатибское дело» было вызвано тем, что в Германии живет много сирийцев, а также многочисленными жалобами, направленными НПО и сирийцами, ставшими жертвами нарушений прав человека.¹²²

Дело FDLR

В сентябре 2015 года (через 13 лет после принятия соответствующего законодательства) Верховный земельный суд Штутгарта признал Иньяса Мурванашьяку и Стратона Мусони, президента и вице-президента «Демократических сил освобождения Руанды» (FDLR), повстанческой группировки, действующей в Демократической Республике Конго (ДРК),

---

¹¹⁹ P. Kroker. *Universal Jurisdiction in Germany? The Congo War Crimes Trial: First Case under Code of Crimes against International Law*. Berlin: European Center for Constitutional and Human Rights e. V. (ECCHR), 2016, p. 6.

¹²⁰ L. Morris. *Op. cit.*

¹²¹ F. Jeßberger. *Op. cit.*, p. 9.

¹²² C. Ryngaert. *Germany's Universal Jurisdiction over War Crimes and the Al-Khatib Trial*. Blog of the Utrecht Centre for Accountability and Liability Law. 27 August 2021 (<https://blog.ucall.nl/index.php/2021/08/germanys-universal-jurisdiction-over-war-crimes-and-the-al-khatib-trial/>).

виновными в совершении военных преступлений и руководстве террористической организацией. Процесс, растянувшийся на 320 дней, стал самым продолжительным в истории Верховного земельного суда Штутгарта. Были заслушаны показания более 50 свидетелей и заявлено более 300 ходатайств о приобщении доказательств. Сообщалось, что процесс обошелся в более чем 4,8 миллиона евро.¹²³ Он стал доказательством того, что немецкий суд, даже в сложных обстоятельствах, способен рассматривать дела о международных преступлениях, совершенных за рубежом.¹²⁴ Стоит, однако, отметить, что коллегия судей не согласилась с обвинениями по двум третям эпизодов с применением сексуализированного насилия. Основанием для этого, по словам председательствующего судьи, стало то, что в противном случае процесс бы никогда не закончился.¹²⁵

Дело Анвара Раслана («дело тюрьмы аль-Хатиб»)

13 января 2022 года Верховный земельный суд Кобленца признал Анвара Раслана, бывшего высокопоставленного сотрудника Главного управления безопасности Сирии в Дамаске, виновным в преступлениях против человечности: убийствах, пытках, жестоком лишении свободы, изнасилованиях и сексуализированном насилии, в сочетании с 27 эпизодами преднамеренного убийства, 25 эпизодами причинения тяжких телесных повреждений, особо тяжким изнасилованием, двумя эпизодами насильственных действий сексуального характера, 14 эпизодами лишения свободы продолжительностью более одной недели, двумя эпизодами взятия заложников и тремя эпизодами насильственных действий сексуализированного характера в отношении пленных. Суд приговорил Раслана к пожизненному заключению за соучастие в этих преступлениях. Процессу помогло состояться и успешно завершиться то, что обвиняемый по незнанию сотрудничал со следствием, полагая, что ему нечего опасаться, и открыто рассказал о своем прошлом в составе сирийской спецслужбы при взаимодействии с властями Германии еще до процесса.¹²⁶ Еще одной интересной особенностью этого процесса стал вклад в доказательную базу мандатных механизмов ООН. Три доклада Независимой международной комиссии по расследованию событий в Сирийской Арабской Республике (COI)¹²⁷ были приобщены к делу как доказательства. Обвинение также почти наверняка воспользовалось помощью Международного, беспристрастного

---

¹²³ P. Kroker. Op. cit., p. 2.

¹²⁴ P. Kroker, A. L. Kather. Justice for Syria? Opportunities and Limitations of Universal Jurisdiction Trials in Germany. 12 August 2016 (ejiltalk.org/justice-for-syria-opportunities-and-limitations-of-universal-jurisdiction-trials-in-germany/).

¹²⁵ S. Studzinsky, A. L. Kather. Op. cit., p. 903.

¹²⁶ S. Aboueldahab, F.-J. Langmack. Universal Jurisdiction Cases in Germany: A Closer Look at the Poster Child of International Criminal Justice // Minnesota Journal of International Law. 2022. Vol. 31, N. 2, p. 8.

¹²⁷ COI была создана Советом по правам человека ООН в августе 2011 года с целью документировать нарушения международного права в Сирии.

и независимого механизма (International, Impartial and Independent Mechanism), созданного Генеральной Ассамблеей ООН в 2016 году для содействия расследованию и привлечению к ответственности лиц, виновных в совершении международных преступлений в Сирии.¹²⁸

Описанные дела стали результатами структурных расследований, которые позволили собрать доказательства и установить личности конкретных преступников. В настоящее время в Германии ведутся еще как минимум три структурных расследования:

- *преступлений, совершенных в отношении езидов*. Это структурное расследование ведется с августа 2014 года в отношении неустановленных членов «Исламского государства» (ИГИЛ). Одна из самых важных составляющих расследования — преступления, совершавшиеся ИГИЛ в отношении езидов в округе Синджар с 3 августа 2014 года, квалифицируемые как геноцид, преступления против человечности и военные преступления;¹²⁹
- *преступлений, совершенных «Тиграми освобождения Тамил-Илама» в Шри-Ланке* в отношении граждан Германии, переживших безжалостные обстрелы в зонах прекращения огня, и в отношении тамиллов, перебравшихся впоследствии в Германию в поисках защиты от жестокостей военного времени, пыток, постоянной слежки и репрессий. Несмотря на значительный объем собранных доказательств, Федеральный прокурор и главное управление по борьбе с военными преступлениями утверждают, что пока не имеют возможности завершить расследование этих дел;¹³⁰
- *преступлений, совершенных в Украине* в связи с агрессией Российской Федерации. Расследование, начатое в марте 2022 года, первоначально касалось военных преступлений, но впоследствии стало включать в себя и преступления против человечности. В настоящее время продолжается сбор доказательств, включая показания украинских беженцев.¹³¹ Для поддержки этого расследования в Федеральной прокуратуре было создано специальное подразделение.¹³²

---

¹²⁸ C. Sweeney. Justice Prevails over Realpolitik at Koblenz: International Law offers a Rare Glimmer of Hope after a Decade of Disappointments for Syrians. 14 February 2022 (<http://opiniojuris.org/2022/02/14/justice-prevails-over-realpolitik-at-koblenz-international-law-offers-a-rare-glimmer-of-hope-after-a-decade-of-disappointments-for-syrians/>).

¹²⁹ S. Studzinsky, A. L. Kather. Op. cit., p. 903.

¹³⁰ A. Schüller. Universal Jurisdiction — the Most Difficult Path to Achieve Justice for Sri Lanka. 24 February 2021 (<https://www.justsecurity.org/74941/universal-jurisdiction-the-most-difficult-path-to-achieve-justice-for-sri-lanka/>).

¹³¹ Speakers Disagree on How, When, Where Universal Jurisdiction Should Be Engaged, as Sixth Committee Takes up Report on Principle. Op. cit.

¹³² Statement by the Federal Republic of Germany. Sixth Committee — Agenda item 85. The Scope and Application of the Principle of Universal Jurisdiction. 12 October 2022 (https://www.un.org/en/ga/sixth/77/pdfs/statements/universal_jurisdiction/12mtg_germany.pdf), p. 1.

Согласно заявлению властей Германии, в настоящее время прокуроры ведут более ста расследований международных преступлений. «Мы подаем просто сигнал: те, кто совершает жестокие преступления, не могут чувствовать себя в безопасности. В конечном счете они будут привлечены к ответственности. В Германии нет тихой гавани, где совершившие международные преступления могут спрятаться от уголовной ответственности. Жертвы, пережившие преступления, обязательно добьются справедливости». Так говорится в заявлении Федеративной Республики Германия, сделанном в ходе заседания Генеральной Ассамблеи ООН по вопросам универсальной юрисдикции в 2022 году.¹³³

Ситуация с рассмотрением дел из Беларуси

В ноябре 2021 года две крупные международные правозащитные организации, Европейский центр конституционных прав и прав человека (ECCHR) и Всемирная организация против пыток (ОМСТ) подали заявление в рамках универсальной юрисдикции о расследовании преступлений, совершенных в Беларуси в 2020 году.¹³⁴ Дело, в котором в качестве подозреваемых фигурировали высокопоставленные белорусские силовики, было представлено как дело о совершении преступлений против человечности — в надежде, что органы прокуратуры иницируют «структурное» расследование, аналогичное инициированное ранее по делам о преступлениях, совершенным ИГИЛ в отношении езидов, «Тиграми освобождения Тамил-Илама в Шри-Ланке и в связи с российской агрессией в Украине. Произведя так называемый процесс мониторинга — что-то вроде процедуры подготовительного расследования, — летом 2023 года прокуратура приняла решение не инициировать расследований в отношении конкретных подозреваемых, названных в заявлении НПО, воспользовавшись своими дискреционными полномочиями. В качестве основания для своего решения в соответствии со ст. 153f Уголовно-процессуального кодекса Германии прокуратура привела аргумент о том, что никаких возможностей для дальнейшего расследования фактических обстоятельств дела в Германии не осталось. Однако, по словам представителей НПО, эта оценка недостаточно учитывает наличие доказательств, собранных такими организациями как Международная платформа по привлечению к ответственности для Беларуси (IAPB) и Управление Верховного комиссара ООН по правам человека, проводившее исследование положения с правами человека в Беларуси. Ни

---

¹³³ Ibid., p. 2.

¹³⁴ Germany: Complaint filed against six members of the Belarus security apparatus. Press release by OMCT and ECCHR. 1 November 2021 (<https://www.omct.org/en/resources/news-releases/germany-complaint-filed-against-6-members-of-the-belarus-security-apparatus>).

с одной из этих организацией не было проведено консультаций в ходе подготовительного расследования.

Еще до того, в мае 2021 года, несколько немецких адвокатов заявили иск в защиту интересов десяти белорусских граждан в отношении Александра Лукашенко и представителей его силового аппарата, назвав своих доверителей жертвами преступлений против человечности во время подавления властями протестного движения начиная с августа 2020 года.¹³⁵ Несколько недель спустя адвокаты заявили, что прокуратура запустила процесс подготовительного расследования.¹³⁶ Это решение может быть истолковано как отказ прокурора начать полноценное предварительное расследование в отношении Лукашенко. В этом нет ничего удивительного, поскольку германские правоохранители обычно трактуют персональный иммунитет очень узко, в том числе в случаях небезосновательно оспариваемой легитимности, как в Беларуси. Участвующие в деле адвокаты признали, что «пока Лукашенко может претендовать на иммунитет как действующий глава государства. Однако после смены режима его ждет привлечение к уголовной ответственности».¹³⁷ Дальнейшая информация о статусе описанных заявлений в публичном доступе отсутствует.

Как это происходит со всеми делами о совершении международных преступлений, одна из причин нежелания правоохранительных органов начинать расследование может заключаться в высоких требованиях к доказыванию контекстуальных элементов состава преступления — например, совершения широкомасштабного или систематического нападения на гражданское население. Однако доклады, подготовленные, в частности, Верховным комиссаром ООН по правам человека¹³⁸ или неправительственными организациями,¹³⁹ могли бы помочь выполнить эти требования.

Еще одна сложность заключается в том, что вероятность приезда в Германию высокопоставленных преступников в связи с наложенными на них санкциями невелика. Это обстоятельство может побуждать прокуроров к тому, чтобы направлять свои ограниченные ресурсы на решение других

---

¹³⁵ Lawyers file suit against Belarus' Lukashenko in Germany. DW, 5 May 2021 (<https://www.dw.com/en/lawyers-file-suit-against-belarus-lukashenko-in-germany/a-57432482>).

¹³⁶ M. Koch. Anwalt stellt Strafanzeige gegen Lukaschenko. 21 June 2021 (<https://www.rnd.de/politik/anwalt-stellt-strafanzeige-gegen-lukaschenko-H2TTVJ5JARBNPB7CWDZJDFKB7Q.html>).

¹³⁷ Ibid.

¹³⁸ Положение в области прав человека в Беларуси в преддверии президентских выборов 2020 года и после них. Доклад Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека. UN doc. A/HRC/52/68 (3 февраля 2023 г.).

¹³⁹ См., например: M. de Hoon, A. Vasilyeu, M. Kolesava-Hudzilina, Crimes against Humanity in Belarus: Legal Analysis and Accountability Options. Law and Democracy Center. July 2023 (<https://ldc-jh.eu/wp-content/uploads/2023/07/Report-on-Crimes-against-humanity-.pdf>).

задач. В целом НПО отмечают, что немецкая прокуратура лишь изредка применяет так называемый подход «глобального полицейского», то есть в большинстве случаев правоохранители переходят к действиям только в тех случаях, если подозреваемый находится в Германии.

Что касается недостатка политической воли, то о нем в определенной степени свидетельствует тот факт, что сотрудники управления по расследованию военных преступлений и органов прокуратуры не принимают во внимание политические призывы к осуществлению международного правосудия и интересуются исключительно присутствием преступников в Германии. Между тем, хотя никто из высокопоставленных подозреваемых, насколько известно, не планирует визитов в Германию в настоящее время, было бы вполне возможно инициировать структурное расследование, чтобы собрать все доступные доказательства и подготовиться к будущему разбирательству — в Германии или в другом месте.

IV. Проблемы: общая критика имплементации универсальной юрисдикции

Количество расследований и судебных преследований за совершение международных преступлений в рамках универсальной юрисдикции остается ограниченным. Это связано со многими причинами. Во-первых, рамки универсальной юрисдикции в разных государствах различны. Во-вторых, дела, связанные с экстерриториальной юрисдикцией, требуют огромного количества человеческих и денежных ресурсов. Если государство не обладает адекватными штатами сотрудников и специально выделенными средствами для обеспечения безопасных и транспарентных судебных процедур, это может ограничивать количество дел.

Кроме этих очевидных причин, существует несколько проблемных кластеров, минимизирующих охват универсальной юрисдикции, с которыми можно работать, чтобы повысить число и ценность процессов с применением универсальной юрисдикции. Это такие сферы как защита свидетелей и обращение с ними, документация судебных разбирательств и доступ к ней общественности, оптимальные структуры и целевое финансирование, а также сотрудничество на международном и национальном уровнях. Проблемы в практике применения универсальной юрисдикции лучше всего анализировать на примере Германии — в связи с большим количеством дел в этой стране.

Защита свидетелей и обращение с ними

Благодаря своему характеру и масштабу международные преступления относятся к числу наиболее сложных для уголовного преследования. Эти трудности возрастают многократно, когда расследования или судебные процессы происходят вдалеке от тех мест, где были совершены преступления. Из-за затрудненного доступа к местам совершения преступлений в делах с применением универсальной юрисдикции редко используются вещественные доказательства и данные экспертиз. Поэтому обвинение часто основано прежде всего на свидетельских показаниях.¹⁴⁰ В то же время свидетели часто готовы давать показания только тогда, когда сведения об их личности надежно защищены, поскольку им или их родственникам постоянно угрожает опасность, и они боятся мести за сотрудничество со следствием.¹⁴¹

---

¹⁴⁰ Evidentiary Challenges in Universal Jurisdiction Cases. Universal Jurisdiction Annual Review. TRIAL International. Geneva, 2019, p. 9.

¹⁴¹ P. Kroker. Op. cit., pp. 18–20.

Экспертный анализ опыта Германии показывает, что система уголовной юстиции не готова обеспечивать свидетелей эффективной защитой. Эксперты согласны между собой в том, что суды продемонстрировали неспособность защитить потерпевших — как от внешних угроз, так и от психологического стресса, вызванного мысленным возвращением к их часто травматичному опыту в суде. По словам экспертов, во время аль-хатибского процесса суд иногда узнавал об угрозах в адрес потерпевших в режиме реального времени, прямо во время дачи ими показаний.¹⁴² Несколько жертв пыток и свидетелей нарушений прав человека в Сирии высказывали опасения за свою безопасность и безопасность своих родственников в случае выступления на процессе. Хотя суд скрыл от общественности личную информацию тех, кто давал показания в открытом судебном заседании, обозначил их имена двумя инициалами и проинструктировал их надевать маски во время дачи показаний, некоторые свидетели заявили, что меры, призванные обеспечить их защиту, недостаточны, и отказались выступать в суде; еще несколько свидетелей предпочли дать показания удаленно. Остается неясным, понимал ли суд суть опасений, высказанных свидетелями, или просто реагировал индивидуально по мере их поступления. Не было оглашено никаких инструкций относительно сохранения конфиденциальности за стенами зала судебных заседаний. Некоторые свидетели, выйдя из него, делали телефонные звонки и называли имена других находящихся под защитой свидетелей. А в какой-то момент произошла утечка имен свидетелей в прессу.¹⁴³

Проблемы с анонимизацией отмечались и при рассмотрении предыдущего немецкого дела с применением универсальной юрисдикции — дела FDLR, когда реальные имена восьми свидетелей содержались в письмах с просьбами о предоставлении межгосударственной правовой помощи, приобщенных к материалам дела. Один из защитников раскрыл два из этих имен в открытом судебном заседании. Этот эпизод со всей очевидностью ставит под большой вопрос качество анонимизации.¹⁴⁴ Несмотря на то, что законодательство Германии наделяет потерпевшего значительным объемом процессуальных прав, в этом процессе не было никакого участия потерпевших — частично по причине оставшихся неразрешенными вопросов защиты свидетелей и потерпевших.¹⁴⁵

---

¹⁴² S. Aboueldahab, F.-J. Langmack. Op. cit., pp. 17, 19.

¹⁴³ M. Masadeh. One Court at a Time: Challenges of Universal Jurisdiction and Enhancing International Justice: Lessons Learned Through Al-Khatib Trial. *Völkerrechtsblog*. 24 January 2022 (<https://voelkerrechtsblog.org/one-court-at-a-time-challenges-of-universal-jurisdiction-and-enhancing-international-justice/>).

¹⁴⁴ S. Studzinsky, A. L. Kather. Op. cit., p. 900.

¹⁴⁵ P. Kroker, A. L. Kather. Op. cit.

По мнению экспертов, проблемы с защитой свидетелей усугубляются в целом неудовлетворительным обращением с ними. Зильке Штудзински и Александра Лили Катер пересказывают сведения, полученные от специального прокурора, которую привлекла к работе по этому же делу Федеральная прокуратура при Верховном суде Германии, поскольку там не нашлось ни одного прокурора женского пола. Она рассказала, что не имела доступа к материалам дела для подготовки к опросу свидетелей. Она получила указание проводить каждый опрос отдельно в течение одного дня, причем в это время входил и обратный перевод протокола опроса на язык, на котором говорит свидетель. Некоторым свидетелям понадобилось несколько дней, чтобы добраться до места проведения опросов. Поскольку опрос нужно было закончить до наступления темноты, время для проведения непосредственно опроса было очень ограничено — в среднем оно составляло по пять часов на свидетеля. Свидетели не получали никаких разъяснений относительно своих прав как потерпевших по делу в Германии — в частности, о том, что они имеют право получить статус гражданского истца, а также различную помощь, в том числе бесплатную юридическую. Наконец, в связи с производством по делу предоставлялась психологическая поддержка — но не потерпевшим, а прокурору, сотруднику федеральной полиции и переводчику.¹⁴⁶

Очевидно, что процессы с применением универсальной юрисдикции нуждаются в как можно большем числе свидетельских показаний и доказательств вообще, чтобы выявить сложные связи внутри организованных преступных сообществ. Как подчеркивает исследовательница Маис Масаде, это возможно только тогда, когда свидетели хорошо защищены и не опасаются мести. В связи с этим было бы полезно создать протокол анонимизации и простые инструкции для участников процесса на их родном языке, чтобы обеспечить их безопасность и анонимность как в зале судебных заседаний, так и за его пределами. В рамках международных судебных механизмов были разработаны подробные руководства по защите свидетелей, которые можно было бы взять за основу.¹⁴⁷

Документация судебных разбирательств и доступ к ней общественности

Еще одним объектом критики стал доступ общественности — в самом широком смысле, включая тех, кто находится за пределами страны, применяющей универсальную юрисдикцию, — к документации по делам с ее применением. В настоящее время он признается крайне ограниченным

---

¹⁴⁶ S. Studzinsky, A. L. Kather. Op. cit., p. 898.

¹⁴⁷ M. Masadeh. Op. cit.

— обычно это только текст вердикта, опубликованный в анонимизированном виде в реестрах судебных решений. Но и это не всегда так — иногда бывает непросто получить даже копию вердикта.¹⁴⁸

Единого подхода к протоколированию судебных заседаний и публичному доступу к протоколам в разных странах не существует. Кажется логичным предположить, что, учитывая историческую ценность судебных процессов с применением универсальной юрисдикции, они должны протоколироваться самым подробным образом, а протоколы должны впоследствии публиковаться, — как это произошло с протоколами Нюрнбергских процессов. Однако ничего подобного в Германии не происходит. На аль-хатибском процессе, как и на других судебных разбирательствах с применением универсальной юрисдикции, не велась запись, а протоколы судебных заседаний содержали минимальную информацию. Поэтому судьям приходилось прибегать к своим заключениям, опираясь на собственную память и заметки — недоступные для других участников процесса и вышестоящих судов.¹⁴⁹ Несмотря на многочисленные просьбы со стороны немецких и зарубежных правоведов, академических учреждений и правозащитных организаций, суд отказал в разрешении вести аудиозапись процесса, утверждая, что это может оказывать воздействие на свидетелей и вызывать у них опасения. В ходе судебного рассмотрения дела Алаа М., сирийского врача, обвинявшегося в применении пыток, суд запретил даже ведение рукописных записей в зале судебных заседаний.¹⁵⁰

Эти решения судов были вызваны не отсутствием в законодательстве возможности разрешить ведение аудиозаписи — незадолго до этого законодатель предусмотрел возможность ведения записи судебных процессов, имеющих историческое значение для Федеративной Республики Германия, в целях архивирования (ч. 2 ст. 169 Закона о судостроительстве¹⁵¹), и Верховный земельный суд Наумбурга записал весь процесс по делу о нападении праворадикальных террористов на синагогу в городе Халле, потрясшем германское общество в 2019 году.¹⁵² Следует отметить, что Германия признаёт очевидное историческое значение

---

¹⁴⁸ P. Kroker, F. Lüth. One Year On — Remembering the Al-Khatib Syrian Torture Case and Reflecting on the Documentation of International Crimes Cases in German Courts. 12 January 2023 (ejiltalk.org/one-year-on-remembering-the-al-khatib-syrian-torture-case-and-reflecting-on-the-documentation-of-international-crimes-cases-in-german-courts/).

¹⁴⁹ S. Aboueldahab, F.-J. Langmack. Op. cit., p. 29.

¹⁵⁰ A. Polakiewicz. No Justice, No Security: International Criminal Law Enforcement's Rightful Place in the German National Security Strategy. 7 December 2022 (<https://fourninesecurity.de/2022/12/07/no-justice-no-security/>).

¹⁵¹ Пересмотренная редакция Закона о судостроительстве, опубликована 9 мая 1975 г. (Federal Law Gazette I p. 1077), в последней редакции, утвержденной ст. 8 Закона от 7 июля 2021 г. (Federal Law Gazette I, p. 2363) (https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_gvg/englisch_gvg.html).

¹⁵² S. Aboueldahab, F.-J. Langmack. Op. cit., p. 29.

процессов с применением универсальной юрисдикции: Федеральное министерство юстиции опубликовало недавно законопроект, согласно которому судебные разбирательства по делам о международных преступлениях будут записываться на аудио- и видеоносители, начиная с 2026 года, а письменный протокол будет генерироваться автоматически. Доступ к этой документации будет предоставляться сторонам в процессе. Однако после завершения судопроизводства она подлежит уничтожению, а ее обнародование будет уголовно наказуемым деянием.¹⁵³ Исследователь Патрик Кроузер отмечает, что законопроект, таким образом, не изменит ситуацию, когда уже существующая для судов возможность вести аудиозапись процессов в научных и архивных целях не используется немецкими судами на процессах с применением универсальной юрисдикции. Для ее изменения представляется необходимым изменить упомянутые законодательные нормы так, чтобы ведение записи этих процессов стало правилом, а не предметом усмотрения суда.

Еще одна проблема — это уничтожение записей после завершения судебного разбирательства и запрет на их обнародование. Например, Франция заняла другую позицию по этому вопросу. Во время рассмотрения дела Кунти К., который в ноябре 2022 года был осужден Парижским судом присяжных за соучастие в совершении преступлений против человечности во время первой гражданской войны в Либерии, председатель суда санкционировал — «ввиду исключительного характера настоящего судебного разбирательства» — его полную запись в целях пополнения исторических архивов.¹⁵⁴

Что касается связей с общественностью, можно констатировать непонимание немецкими судами, рассматривающими дела в рамках универсальной юрисдикции, необходимости сообщать информацию о таких процессах общественности в целом и тем группам населения, чьи интересы затрагивает содержание процесса.¹⁵⁵ Например, при рассмотрении дела Моафака Д., в котором идет речь о военных преступлениях, совершенных во время осады района Ярмук в Дамаске, и которое находится в настоящее время на рассмотрении Верховного земельного суда Берлина (Kammergericht), суд даже не выпустил никакого пресс-релиза.¹⁵⁶ Причем представления о происходящем во время процесса не имеет не только широкая общественность: во время аль-хатибского процесса находящиеся в зале для публики граждане, не говорящие по-немецки, не имели возможности следить за происходящим

---

¹⁵³ P. Kroker, F. Lüth. Op. cit.

¹⁵⁴ Ibid.

¹⁵⁵ P. Kroker, A. L. Kather. Op. cit.

¹⁵⁶ P. Kroker, F. Lüth. Op. cit.

из-за отсутствия перевода (переводом были обеспечены обвиняемые, но не родственники потерпевших или журналисты).¹⁵⁷

Пример процесса FDLR показал, что налаживать официальные каналы коммуникации с соответствующим регионом также не принято. Краткие информационные сообщения пресс-службы Штутгартского земельного суда публиковались на немецком языке и касались в основном организационных моментов, таких как расписание слушаний. Непредоставление информации на французском или любом другом местном языке означало, что даже организации в Демократической Республике Конго, работавшие с пострадавшими от насилия в ходе конфликта и находившиеся в постоянном поиске актуальной информации, не имели возможности распространять новости о ходе процесса. В некоторых случаях им предоставляли некоторые сведения для распространения на местном уровне партнерские европейские организации, такие как ECCHR. Даже к этим обрывочным сведениям интерес в регионе был огромен.¹⁵⁸

Принятая в Германии практика отказа от записи судебных разбирательств и запрета на обнаружение информации о делах с применением универсальной юрисдикции вызывает вопросы относительно цели имплементации универсальной юрисдикции. Как отмечает исследовательница Алисия Полакевич, если цель процессов с применением универсальной юрисдикции состоит в предотвращении новых преступлений, это требует эффективного распространения информации, и каждый такой процесс и его результаты должны освещаться максимально широко. Если цель состоит в закреплении исторического прецедента, то почему не ведутся записи процессов? Если цель состоит в осуществлении возмездия от лица жертв, то почему процессы не переводятся синхронно на язык, который понимают имеющие к ним отношение люди в зале судебных заседаний?¹⁵⁹

Между тем качественно организованное распространение информации могло бы стать основой для обсуждения ситуации в диаспорах, что, как выясняется, является важным фактором для деятельности в области применения универсальной юрисдикции как в Германии, так и в стране, где были совершены преступления. Оно могло бы убедить жертв преступлений в том, что их страдания и сопротивление угнетателям не остаются незамеченными. Это могло бы влиять на создание и устройство механизмов (переходного) правосудия в соответствующих странах — а

---

¹⁵⁷ M. Masadeh. Op. cit.

¹⁵⁸ P. Kroker. Op. cit., p. 27.

¹⁵⁹ A. Polakiewicz. Op. cit.

также служить напоминанием международному сообществу об остающейся безнаказанной несправедливости и препятствовать ползучей «нормализации» отношений с национальными режимами, ответственными за совершение международных преступлений.¹⁶⁰ Наконец, это может показывать пример универсальной юрисдикции, который можно будет использовать для поддержки усилий по ее применению в других странах и регионах. Более того, Кроуер и Лют отмечают, что документация процессов с применением универсальной юрисдикции может быть представлена как обязанность государства, осуществляющего судебное преследование от лица мирового сообщества, чтобы содержание разбирательства было доступным этому сообществу как часть общего исторического наследия.¹⁶¹

Отсутствие оптимальных структур и целевого финансирования

Германии, на которую равняется весь мир как на лидера в применении универсальной юрисдикции, удалось добиться такого успеха благодаря присутствию в стране на сегодняшний день одновременно трех компонентов: это желающие и способные работать органы прокуратуры, высококвалифицированные организации гражданского общества и жаждущие справедливости диаспоры. Даже в таких условиях число процессов не так уж велико. Одна из причин, вне всякого сомнения важная и для других стран, имеющих желание привлекать к ответственности виновных в совершении международных преступлений, заключается в том, что даже через 20 лет после принятия Кодекса о преступлениях против международного права Германия не создала оптимальных условий для реализации международных уголовно-правовых норм на национальном уровне.¹⁶²

Один из примеров этого положения дел — недостаток институциональных структур. Определенный прогресс в этой сфере, судя по всему, имеет место в виде сотрудничества между Федеральным ведомством по вопросам миграции и беженцев (BAMF) и органами прокуратуры. В собеседования, которые проводятся BAMF при рассмотрении заявлений о предоставлении политического убежища, были включены вопросы, направленные на выявление свидетелей, жертв и лиц, совершивших международные преступления, ответы на которые затем передавались в управление по расследованию военных преступлений.

---

¹⁶⁰ P. Kroker, F. Lüth. Op. cit.

¹⁶¹ Ibid.

¹⁶² A. Polakiewicz. Op. cit.

Это частичное приспособление процедуры обращения за политическим убежищем работало хорошо в отношении беженцев из Сирии, но сейчас отсутствие специального института или процесса, посредством которого беженцы могли бы давать показания, оказалось серьезной проблемой. Украинским беженцам не нужно обращаться за предоставлением политического убежища. В результате основной источник доказательств для идущего структурного расследования международных преступлений, совершенных в ходе агрессии в Украине, не используется. В настоящее время показания бежавших в Германию украинцев фиксируются только в том случае, если беженцы по собственной инициативе обращаются в местные отделения полиции. Эффективность этого решения весьма сомнительна. Необходимо создать структуры, которые восполнят этот и другие пробелы — в идеале таким образом, чтобы решить не только проблему с украинскими беженцами.¹⁶³

Несмотря на значительный бюджет, выделяемый в Германии на расследования и процессы в рамках универсальной юрисдикции, этих денег не хватает для покрытия всех необходимых расходов. Это неоднократно упоминалось как представителями государства, так и негосударственными экспертами.¹⁶⁴ Средства нужны для работы со свидетелями, включая психологическую и юридическую помощь и перевод, а также, что немаловажно, для обучения всех юристов, в разных качествах участвующих в расследованиях и судебных процессах с применением универсальной юрисдикции. По словам судьи Даниэля Франсена (Специальный трибунал по Ливану, ранее бельгийский следственный судья), обучение следователей, прокуроров и судей — ключевой фактор для сокращения времени, затрачиваемого на расследование таких дел.¹⁶⁵ Наконец, эксперты рекомендовали создавать специальные подразделения по расследованию международных преступлений в тех странах, где их пока нет. Это тоже требует серьезного финансирования.¹⁶⁶

Недостаточное сотрудничество на практическом уровне

Эффективное расследование и судебное преследование за совершение международных преступлений на национальном уровне зависит от

---

¹⁶³ A. Polakiewicz. Op. cit.

¹⁶⁴ Universal jurisdiction and international crimes: Constraints and best practices. Workshop paper. Policy Department for External Relations. Directorate General for External Policies of the European Union. September 2018, p. 11.

¹⁶⁵ Ibid.

¹⁶⁶ Ibid., pp. 11, 14.

«режима тесного сотрудничества»¹⁶⁷ между государствами («поскольку знания и доказательства обычно разбросаны по всему миру»¹⁶⁸) и между компетентными властями различных государств, в том числе между миграционными органами, органами внутренних дел и прокуратуры, подразделений по борьбе с терроризмом, незаконным ввозом мигрантов и отмыванием денег.¹⁶⁹ С этой целью в 2002 году Европейский союз создал Европейскую сеть для расследования и судебного преследования за совершение геноцида, преступлений против человечности и военных преступлений на базе Евроюста (Genocide Network).¹⁷⁰ Это сетевое объединение профессионалов, работающих в национальных органах и занимающихся расследованиями и судебными преследованиями за совершение геноцида, преступлений против человечности и военных преступлений. Его цель заключается в обмене опытом, успешными практиками и знаниями — но также и операционной информацией. Сеть объединяет государства ЕС, но в ней также представлены страны с наблюдательным статусом: США, Канада, Норвегия, Швейцария и с недавних пор Босния и Герцеговина.

Кроме того, согласно Решению Совета ЕС 2003/335/JHA от 8 мая 2003 года о расследовании и судебном преследовании за совершение геноцида, преступлений против человечности и военных преступлений, государства-члены ЕС обязаны предпринимать все необходимые меры для информирования органов правопорядка о присутствии предполагаемых преступников и обеспечения обмена информацией между национальными органами правопорядка и иммиграционного контроля. Эта мера направлена на укрепление сотрудничества между национальными властями государств-членов ЕС, чтобы таким образом максимизировать способность правоохранительных органов в разных государствах эффективно сотрудничать в сфере расследования серьезных международных преступлений и привлечения к ответственности виновных.¹⁷¹

Наконец, с целью ликвидации правового пробела в механизмах взаимной правовой помощи (mutual legal aid, MLA) и экстрадиции для судебного преследования на национальном уровне за совершение преступлений

---

¹⁶⁷ Statement of Indonesia, “The scope and application of the principle of universal jurisdiction”, Sixth Committee, 73rd session of the UN General Assembly, 11 October 2018.

¹⁶⁸ Universal jurisdiction and international crimes: Constraints and best practices. Workshop paper. Op. cit., p. 11.

¹⁶⁹ Ibid.

¹⁷⁰ Веб-страница Genocide Network на сайте Евроюста: <https://www.eurojust.europa.eu/judicial-cooperation/practitioner-networks/genocide-network>.

¹⁷¹ EU Statement. UN Sixth Committee: the Principle of Universal Jurisdiction. 21 October 2021 (https://www.eeas.europa.eu/delegations/un-new-york/eu-statement-%E2%80%93-united-nations-6th-committee-principle-universal_en?s=63&page_lang=en).

геноцида, преступлений против человечности и военных преступлений, который был подтвержден государствами в ходе встречи экспертов, организованной Нидерландами, Бельгией и Словенией в Гааге в ноябре 2011 года, была принята Конвенция о международном сотрудничестве в расследовании и привлечении к ответственности за совершение преступлений геноцида, преступлений против человечности и военных преступлений (сокращенно — Mutual Legal Assistance and Extradition Convention, Конвенция о взаимной правовой помощи и экстрадиции). Это произошло на 18-м пленарном заседании Дипломатической конференции по взаимной юридической помощи в Любляне 26 мая 2023 года.¹⁷² Конвенция о ВПП — эпохальный международный договор, который поможет добиться справедливости жертвам геноцида, преступлений против человечности и военных преступлений. Ожидается, что он существенно снизит безнаказанность преступников. Конвенция будет открыта для подписания всеми государствами в 2024 году в течение двух недель после даты Конференции подписания в Гааге, запланированной на 14–15 февраля 2024 года.¹⁷³ Даже если Конвенция не будет пользоваться значительной популярностью, она может способствовать созданию новых (или изменению существующих) принципов универсальной юрисдикции в обычном международном праве.

Несмотря на значительные усилия, прилагаемые к заключению формальных соглашений о сотрудничестве, эксперты отмечают существующую необходимость в более практическом и методическом сотрудничестве. Кроме общепризнанной потребности в базе данных по делам с применением универсальной юрисдикции¹⁷⁴ предлагается создать пособие по универсальной юрисдикции, в которое среди прочего должны войти общие для всех стандарты и практики, что позволит использовать доказательства в любой стране. Параллельно нужно проводить более специализированное обучение для следователей, прокуроров, судей и сотрудников органов правопорядка в области универсальной юрисдикции, а также наращивать сотрудничество на уровне ЕС и на международном уровне.¹⁷⁵

Еще один вид сотрудничества, который нуждается в укреплении, — это сотрудничество с неправительственными организациями. Пример

---

¹⁷² The Diplomatic Conference for the Adoption of the Convention on International Cooperation in the Investigation and Prosecution of Genocide, Crimes against Humanity, War Crimes and other International Crimes (<https://www.gov.si/en/registries/projects/mla-initiative/diplomatic-conference-for-formal-negotiations/#:~:text=As%20a%20result%20of%20the,the%20Crime%20of%20Genocide%2C%20Crimes>).

¹⁷³ MLA (Mutual Legal Assistance and Extradition) Initiative (<https://www.gov.si/en/registries/projects/mla-initiative>).

¹⁷⁴ F. Jeßberger. Op. cit., p. 10.

¹⁷⁵ Universal jurisdiction and international crimes: Constraints and best practices. Workshop paper. Op. cit., p. 19.

Германии показывает, насколько плодотворным может быть такое сотрудничество. Только в рамках расследования преступлений в Сирии такие НПО как Комиссия по международному правосудию и ответственности (Commission for International Justice and Accountability), Европейский центр конституционных прав и прав человека (European Centre for Constitutional and Human Rights) и другие проводили расследования и собирали доказательства (более 800 тысяч документов по вопросам безопасности, разведывательных, военных и политических документов) в Сирии с 2011 года, несмотря на все риски, создаваемые условиями вооруженного конфликта и войны, подготовили десять досье на пятьдесят высших руководителей в Сирии;¹⁷⁶ оказали поддержку 17 жертвам пыток, которые дали показания Бюро криминальной полиции Германии перед аль-хатибским процессом;¹⁷⁷ подготовили ходатайства о включении в обвинительное заключение обвинений в совершении преступлений, предусмотренных ст. 7(1)(б) КППМП, а затем — правовую аргументацию в суде, позволившую впервые в Германии добиться признания виновности подсудимых в применении сексуализированного насилия как преступления против человечности.¹⁷⁸ Как уже отмечалось, взаимодействие НПО и органов юстиции должно быть поставлено в определенные рамки, чтобы избежать проблем во время судебного процесса.¹⁷⁹

Подводя итог критическим замечаниям, высказываемым экспертами в связи с имплементацией универсальной юрисдикции, можно выделить несколько факторов успеха для дел с применением универсальной юрисдикции:

- 1) Политическая воля государства к осуществлению правосудия и его нежелание становиться «тихой гаванью» для международных преступников;
- 2) Законодательные рамки, определяющие основные международные преступления в национальном праве;
- 3) Создание специализированных подразделений, привлечение обученных в вопросах международных преступлений сотрудников и выделение необходимых ресурсов;
- 4) Проведение структурных расследований;

---

¹⁷⁶ Responsibility to Prosecute? The Case of German Universal Jurisdiction, CIJA and the Arrest of Syrian Perpetrators. March 2019 (<https://lawlog.blog.wzb.eu/2019/03/13/responsibility-to-prosecute-the-case-of-german-universal-jurisdiction-cija-and-the-arrest-of-syrian-perpetrators/>).

¹⁷⁷ M. Masadeh. Op. cit.

¹⁷⁸ K. Theurer. German Code of Crimes Against International Law: Gender Bias and the Need for Reform. 14 March 2023 (<https://www.boell.de/en/2023/03/07/voelkerstrafgesetzbuch-gender-bias-und-reformbedarf>).

¹⁷⁹ Universal jurisdiction and international crimes: Constraints and best practices. Workshop paper. Op. cit., p. 11.

- 5) Присутствие в стране, применяющей универсальную юрисдикцию, сильной диаспоры;
- 6) Тесное сотрудничество правоохранительных органов с гражданским обществом;
- 7) Присутствие обвиняемого на территории страны, применяющей универсальную юрисдикцию.

V. Уроки применения принципа универсальной юрисдикции к делам из Беларуси

Уроки, которые можно извлечь из процесса имплементации универсальной юрисдикции в отношении дел, касающихся событий в Беларуси, одновременно отражают общие проблемы в этой сфере (см. раздел IV настоящего доклада, «Проблемы: общая критика имплементации универсальной юрисдикции») и подчеркивают специфику белорусских дел.

1. Прежде всего следует отметить, что в отношении дел из Беларуси в настоящее время нет недостатка в заявителях или в доказательствах физических элементов преступлений против человечности, совершенных в этой стране. НПО документируют совершенные преступления в соответствии со стандартами Международной платформы по привлечению к ответственности для Беларуси (IAPB). По приблизительным подсчетам, в распоряжении правозащитников есть около 5 000 потенциальных дел. Могут быть опознаны около двухсот потенциальных подозреваемых, включая сотрудников Министерства внутренних дел Беларуси, сотрудников изоляторов и высокопоставленных чиновников. Сведения о них могут предоставляться и предоставляются в настоящее время как национальным властям, так и IAPB, к которой, в свою очередь, обращаются некоторые государства за информацией о конкретных ситуациях в рамках ведущихся ими расследований.

Имеется также значительный объем информации о доказательствах контекстуальных элементов преступлений против человечности, совершенных в Беларуси с лета 2020 года. Межгосударственные организации уже опубликовали свои доклады по этому вопросу (включая два доклада Верховного комиссара ООН по правам человека, опубликованные в марте 2022 и марте 2023 года). Подробные отчеты с доказательствами как физических, так и контекстуальных элементов преступлений против человечности в Беларуси публиковались также различными НПО.¹⁸⁰

В то же время, как выяснилось, эта и более подробная информация, собранная НПО, не доступна национальным правоохранительным органам, наделенным полномочиями по проведению расследований в рамках универсальной юрисдикции. Недостаточность жизненно необходимых

---

¹⁸⁰ См., напр.: M. de Hoon, A. Vasilyeu, M. Kolesava-Hudzilina. Op. cit.; Communication submitted under Article 15(2) of the Rome Statute of the International Criminal Court: The Situation in Belarus/Lithuania/Poland/Latvia and Ukraine: Crimes against Humanity of Deportation and Persecution. IPHR, Global Diligence LLP, Truth Hounds, and NHC, May 2021 (https://truth-hounds.org/wp-content/uploads/2021/05/by_icc_submission.pdf); Belarus: Crimes against Humanity Committed by the Government from August 2020 onwards. Paper by OMCT SOS-Torture Network, November-December 2021 (https://www.omct.org/site-resources/legacy/Crimes-against-humanity_analysis-Belarus.pdf).

взаимодействия и координации между государственными структурами и гражданским обществом — как и между соответствующими государственными структурами разных стран — бросается в глаза. Наше исследование показало, что представители таких структур в некоторых странах осознают эту проблему и надеются, что будет создана межгосударственная следственная группа.

Одним из решений проблемы могло бы стать инициирование структурного расследования для сбора необходимой информации о совершенных в Беларуси преступлениях против человечности.

2. Проблема нехватки регулярного обмена информацией между следственными органами и НПО, приводящая к недостаточному использованию имеющихся доказательств, которые собраны в документах гражданского общества и ООН, усугубляется отсутствием публичности по делам с применением универсальной юрисдикции. Это наблюдается во всех без исключения исследованных странах. В Польше, как упоминалось выше, запрет разглашения информации о деле распространяется не только на личность заявителя и обвиняемого, но и на весь процесс расследования. Как обсуждалось в разделе IV настоящего доклада «Проблемы: общая критика имплементации универсальной юрисдикции», невозможность доступа к этой информации широкой общественности и НПО препятствует как популяризации универсальной юрисдикции среди потенциальных заявителей, так и достижению цели предотвращения международных преступлений. Кроме того, в результате такой политики секретности остается незадействованным потенциальный вклад белорусской диаспоры в этих странах.

3. В качестве одной из ключевых проблем всеми респондентами было названо отсутствие специального отдела, уполномоченного расследовать дела в рамках универсальной юрисдикции, или, если он был создан, нехватка ресурсов и квалификации у его сотрудников.

4. В связи с проблемой отсутствия квалификации была упомянута потребность в методических рекомендациях, которые могли бы использоваться сотрудниками, работающими с делами в рамках универсальной юрисдикции, начиная с самого низового уровня, включая сотрудников полиции или прокуратуры, с которыми заявители сталкиваются при подаче заявления.

5. Еще одним препятствием — как для расследования уже открытых дел, так и для возбуждения новых — является наличие у заявителя международной защиты, что мешает раскрытию информации о нем, предположительно

необходимому при передаче сведений о начале расследования государственным органам Беларуси. Эта проблема носит не только юридический характер (при отсутствии императивной нормы по спорному вопросу существует принципиально иное прочтение применимых положений межгосударственных соглашений о сотрудничестве по уголовным делам), но и административный, поскольку толкование соответствующих норм является прерогативой государственных органов. Между тем, принятие официального толкования, позволяющего скрыть имя заявителя при передаче информации о начале расследования по аналогии с мерами защиты, применяемыми в сфере уголовного судопроизводства, могло бы стать решением этой проблемы и открыло бы двери для десятков новых дел.

6. Отсутствие инициативы государств по разъяснению применимого законодательства свидетельствует об отсутствии политической воли к расследованию дел, касающихся событий в Беларуси. Наше исследование показывает, что там, где решение о судебном преследовании принимается на высоком политическом уровне, расследование проводится более эффективно. Применительно к делам из Беларуси приходится признать, что большинство изучавшихся нами государств еще не полностью готовы признать преступления, совершенные режимом Лукашенко, угрозой глобальному верховенству права и безопасности и, следовательно, напрямую затрагивающими их национальные интересы. Это особенно показательно по сравнению с усилиями, которые те же страны предпринимают для расследования дел, связанных с военными преступлениями и преступлениями против человечности в Украине.

7. И, наконец, респонденты из разных стран, включая государственных служащих, юристов и представителей НПО, ссылаются на недоступность подозреваемых. Противоречие между необходимостью введения и расширения персональных санкций, включая запреты на въезд, как важного инструмента привлечения виновных к ответственности, и необходимостью обеспечить их арест во время их поездки в страны, власти которых были бы готовы их задержать и выдать, не имеет очевидного решения. Отсутствие ясной перспективы арестов подозреваемых и предания их суду оказывает значительное охлаждающее воздействие на следственные органы, которые не хотят возбуждать бесперспективные дела, несмотря на то, что сбор доказательств, выдача ордеров на арест и ожидание момента, когда подозреваемые прибудут в страны, где они могут быть задержаны, представляется разумным вариантом. Отказ начинать расследования, собирать доказательства и выдавать ордера на арест указывает не только на непонимание сути универсальной юрисдикции, одна из целей которой состоит в том, чтобы направить мощный

сдерживающий сигнал преступникам о том, что правосудие уже работает, но и на отсутствие четкой и в том числе долгосрочной стратегии в области универсальной юрисдикции, что также отмечали респонденты.

VI. Рекомендации

Принимая во внимание уроки, извлеченные из применения принципа универсальной юрисдикции в разных странах на протяжении нескольких десятилетий, опыт представления дел из Беларуси и дальнейшей работы по ним в рамках универсальной юрисдикции в четырех европейских странах, изученных в ходе настоящего исследования, и обратную связь, полученную от представителей государственных структур, представителей гражданского общества и юристов, можно сделать следующие рекомендации, адресованные национальным властям и правоохранительным органам, с целью содействия оперативному и эффективному расследованию и судебному преследованию виновных, а также для мотивирования большего числа людей, переживших совершенные в Беларуси международные преступления, подавать заявления о проведении расследований:

1. внести изменения в законодательство, где это необходимо, с целью устранения положений, неоправданно сужающих сферу применения принципа универсальной юрисдикции или предоставляющих слишком широкие дискреционные полномочия должностным лицам правоохранительных органов, таких как требование доказать, что преступление угрожает национальным интересам; расширить перечень преступлений, подпадающих под универсальную юрисдикцию, включив в него пытки, насильственные исчезновения и сексуализированное насилие в качестве самостоятельных составов преступлений; и привести определения международных преступлений в полное соответствие с положениями Римского статута;
2. создать специализированные органы для расследования международных преступлений в рамках универсальной юрисдикции, включая совершенные в Беларуси; в случае существования таких органов выделять необходимые ресурсы и укрепить их как с точки зрения численного состава, так и с точки зрения квалификации сотрудников;
3. укрепить межгосударственное сотрудничество по делам с применением универсальной юрисдикции, касающимся совершенных в Беларуси международных преступлений, путем создания совместной межгосударственной следственной группы для обмена опытом и данными о подозреваемых и конкретных ситуациях;
4. повышать квалификацию сотрудников, занимающихся расследованием дел в рамках универсальной юрисдикции, в том

числе путем регулярного обмена опытом со специалистами из стран, имеющих большой опыт расследования дел с применением международной юрисдикции;

5. повышать квалификацию сотрудников, занимающихся расследованием дел в рамках универсальной юрисдикции, путем разработки и широкого внедрения методических рекомендаций по работе с международными преступлениями и организации соответствующих образовательных программ и тренингов;
6. расширять знания сотрудников следственной группы об уголовном процессе и методах работы с доказательствами в ситуациях отсутствия взаимодействия со стороны властей государства, на территории которого было совершено преступление, о применении мер защиты к потерпевшим и свидетелям и т. д., в том числе с учетом опыта Европейского суда по правам человека и Комитета ООН по правам человека;
7. углублять взаимодействие государственных органов с НПО, в том числе путем проведения регулярных личных встреч для обсуждения имеющейся и недостающей информации по делам;
8. согласовать толкование норм межгосударственных соглашений о сотрудничестве, предусматривающих необходимость сообщать информацию о расследуемом деле государственным органам Беларуси, в целях обеспечения безопасности заявителей и их родственников;
9. составить перечень документов межправительственных и неправительственных организаций, содержащих доказательства физических и контекстуальных элементов преступлений против человечности, совершенных на территории Беларуси, для их использования следственными группами разных стран;
10. составить закрытую базу данных с доказательствами по предполагаемым преступлениям, совершенным в конкретном месте в течение определенного периода времени, с информацией о связях подозреваемых с преступлением и цепочке их подчинения вышестоящим начальникам, которая была бы доступна следователям в разных странах;
11. предоставлять доступ к информации, не раскрывающей личность заявителя и свидетелей, по делам в рамках универсальной юрисдикции представителям НПО и академического сообщества, а на определенном этапе расследования — и широкой

общественности, в том числе за пределами государства, применяющего универсальную юрисдикцию;

12. предусмотреть обязанность компетентных органов публиковать ежегодный отчет о ходе расследования дел в рамках универсальной юрисдикции, включая причины отказов в проведении или прекращения расследований.

Хотя такие вопросы, как финансирование и укомплектование персоналом специальных следственных групп, а также принятие законов и имплементация межгосударственных соглашений, находятся в юрисдикции государств, проблема методологической и экспертной поддержки по ряду вышеупомянутых вопросов может быть решена при участии гражданского общества. Так, описанные выше методические рекомендации могли бы быть разработаны с привлечением неправительственных экспертов. Опыт и знания НПО также могли бы быть полезны при организации обучающих программ для сотрудников специализированных следственных групп.

Библиография

Научные статьи

- A. J. Colangelo. Universal Jurisdiction as an International “False Conflict” of Laws // *Michigan Journal of International Law*. 2009. Vol. 30, pp. 881–925.
- A. R. Reeves. Liability to International Prosecution: The Nature of Universal Jurisdiction // *The European Journal of International Law*. 2017. Vol. 28, N. 4, pp. 1047–1067.
- B. Burghardt. Zwischen internationaler Solidarität und „not in my backyard“ Eine Bilanz der bisherigen Strafverfolgung von Völkerrechtsverbrechen auf der Grundlage des VStGB // *Kritische Justiz*. 2018. Vol. 51, N. 1, pp. 21–32.
- C. Nowak. The Internationalization of the Polish Criminal Law: How the Polish Criminal Law Changed Under the Influence of Globalization // *Crime, Law and Social Change*. 2013. N. 59, pp. 139–156.
- C. Ryngaert. International Trends and the EU’s Approach to Promoting Universal Jurisdiction Through Its External Relations. // *Universal Jurisdiction and International Crimes: Constraints and Best Practices*. Workshop paper. Policy Department for External Relations. Directorate General for External Policies of the European Union. September 2018, pp. 7–9.
- Ch. W. Ling. Universal Jurisdiction Through the Eyes of ASEAN States: Rule of Law Concerns and the Need for Inclusive and Engaged Discussions. TOAEP Policy Brief Series. 2022. N. 141 (<https://www.toaep.org/pbs-pdf/141-cheah/>).
- E. Kontorovich. The Inefficiency of Universal Jurisdiction // *University of Illinois Law Review*. 2008. N. 1, pp. 389–418.
- F. Jeßberger. Towards ‘Complementary Preparedness’: Trends and Best Practices in Universal Criminal Jurisdiction in Europe // *Universal Jurisdiction and International Crimes: Constraints and Best Practices*. Workshop paper. Policy Department for External Relations. Directorate General for External Policies of the European Union. September 2018, pp. 9–10.
- J. Davidovic. Universal Jurisdiction and International Criminal Law. In: *The New Philosophy of Criminal Law*. C. Flanders and Z. Hoskins (eds). 2016, pp. 113–130.
- J. Song. Pirates and Torturers: Universal Jurisdiction as Enforcement Gap-Filling // *Journal of Political Philosophy*. 2015. Vol. 23, N. 4, pp. 471–490.
- M. Neuner. German Preliminary Examinations of International Crimes. In: *Quality Control in Preliminary Examination: Vol. 1*. M. Bergsmo, C. Stahn (eds). Brussels: Torkel Opsahl Academic EPublisher, 2018, pp. 176–177.
- P. Caban. Universal Jurisdiction Under Customary International Law, International Conventions and Criminal Law of the Czech Republic: Comments // *Czech Yearbook of Public & Private International Law*. 2013. Vol. 4, pp. 173–200.
- S. Aboueldahab, F.-J. Langmack. Universal Jurisdiction Cases in Germany: A Closer Look at the Poster Child of International Criminal Justice // *Minnesota Journal of International Law*. 2022. Vol. 31, N. 2, pp. 1–34.
- S. Studzinsky, A. L. Kather. Will Universal Jurisdiction Advance Accountability for Sexualized and Gender-based Crimes? A View from Within on Progress and Challenges in Germany // *German Law Journal*. 2021. Vol. 22, pp. 894–913.
- T. Kluwen. Universal Jurisdiction in Absentia Before Domestic Courts Prosecuting International Crimes: A Suitable Weapon to Fight Impunity? // *Goettingen Journal of International Law*. 2017. Vol. 8, N. 1, pp. 7–38.
- X. Philippe. The Principles of Universal Jurisdiction and Complementarity: How Do the Two Principles Intermesh? // *International Review of the Red Cross*. 2006. Vol. 88, N. 862, pp. 375–398.

Доклады, отчеты, программные документы, заявления

At a Glance: Universal Jurisdiction in EU Member States. Eurojust factsheet. The Hague, Netherlands, 2023. 8 p.

AU-EU Technical Ad hoc Expert Group on the Principle of Universal Jurisdiction Report. African Union. Addis Ababa, 15 April 2009. (<https://reliefweb.int/report/sudan/au-eu-technical-ad-hoc-expert-group-principle-universal-jurisdiction-report>).

Belarus: Crimes against Humanity Committed by the Government from August 2020 onwards. Paper by OMCT SOS-Torture Network, November-December 2021 (https://www.omct.org/site-resources/legacy/Crimes-against-humanity_analysis-Belarus.pdf).

Communication submitted under Article 15(2) of the Rome Statute of the International Criminal Court: The Situation in Belarus/Lithuania/Poland/Latvia and Ukraine: Crimes against Humanity of Deportation and Persecution. IPHR, Global Diligence LLP, Truth Hounds, and NHC, May 2021 (https://truth-hounds.org/wp-content/uploads/2021/05/by_icc_submission.pdf).

EU Statement. UN Sixth Committee: the Principle of Universal Jurisdiction. 21 October 2021 (https://www.eeas.europa.eu/delegations/un-new-york/eu-statement-%E2%80%93-united-nations-6th-committee-principle-universal_en?s=63&page_lang=en).

Evidentiary Challenges in Universal Jurisdiction Cases. Universal Jurisdiction Annual Review. TRIAL International. Geneva, 2019. 84 p.

H. Varney, K. Zduńczyk. Advancing Global Accountability. The Role of Universal Jurisdiction in Prosecuting International Crimes. Research report. International Center for Transitional Justice, 2020. 61 p.

L. Reydam. The Application of Universal Jurisdiction in the Fight Against Impunity. Policy Department, Directorate-General for External Policies. European Union, 2016. 26 p.

M. de Hoon, A. Vasilyeu, M. Kolesava-Hudzilina. Crimes against Humanity in Belarus: Legal Analysis and Accountability Options. Law and Democracy Center. July 2023 (<https://ldc-jh.eu/wp-content/uploads/2023/07/Report-on-Crimes-against-humanity-.pdf>).

Note on the investigation and prosecution of crimes of universal jurisdiction. Government of the United Kingdom. 2018. 25 p. (https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/709126/universal-jurisdiction-note-web.pdf).

P. Kroker. Universal Jurisdiction in Germany? The Congo War Crimes Trial: First Case under Code of Crimes against International Law. Berlin: European Center for Constitutional and Human Rights e.V. (ECCHR), 2016. 33 p.

P. Sagane. Statement. Republic of Poland Permanent Mission to the United Nations. Eighty-sixth Session of the General Assembly "The Scope and Application of the Principle of Universal Jurisdiction." New York, 19 October 2015. 3 p.

Statement by the Federal Republic of Germany. Sixth Committee — Agenda item 85. The Scope and Application of the Principle of Universal Jurisdiction. 12 October 2022. 2 p. (https://www.un.org/en/ga/sixth/77/pdfs/statements/universal_jurisdiction/12mtg_germany.pdf).

Statement of Indonesia. The Scope and Application of the Principle of Universal Jurisdiction. UN Sixth Committee, 73rd session of the UN General Assembly, 11 October 2018.

Submission No. SN78-144 of 7 May 2021 pursuant to the General Assembly resolution 75/142 of 15 December 2020 "The Scope and Application of the Principle of Universal Jurisdiction". Permanent Mission of the Republic Lithuania to the United Nations (https://www.un.org/en/ga/sixth/76/universal_jurisdiction/lithuania_e.pdf).

The Scope and Application of the Principle of Universal Jurisdiction. Informal Working Paper prepared by the Chairperson for discussion in the Working Group, 4 November 2016. (https://www.un.org/en/ga/sixth/75/universal_jurisdiction/wg_uj_informal_wp.pdf).

Universal Jurisdiction Annual Review 2022. Universal jurisdiction, an overlooked tool to fight conflict-related sexual violence. TRIAL International. Geneva, 2022. 107 p.

Universal Jurisdiction Annual Review 2023. TRIAL International. Geneva, 2023. 105 p.

Universal Jurisdiction Law and Practice in Germany. Briefing paper. Open Society Justice Initiative, TRIAL International. New York, 2019. 36 p.

Universal Jurisdiction. Law and Practice in Switzerland. Briefing paper. Open Society Justice Initiative, TRIAL International. New York, 2019. 41 p.

Доклад Комиссии международного права, Семидесятая сессия (30 апреля – 1 июня и 2 июля – 10 августа 2018 г.), UN Doc. A/73/10, 10 августа 2018 г. (<https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G18/252/69/PDF/G1825269.pdf>).

Положение в области прав человека в Беларуси в преддверии президентских выборов 2020 года и после них. Доклад Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека. UN doc. A/HRC/52/68 (3 февраля 2023 г.).

Интернет-источники (блоги, статьи, пресс-релизы и т. д.)

A. Hartig. Domestic Criminal Courts as Gap-Fillers?: Avoiding Impunity for the Commission of the Crime of Aggression against Ukraine. *Völkerrechtsblog*, 12 April 2022 (<https://voelkerrechtsblog.org/domestic-criminal-courts-as-gap-fillers/>).

A. M. Pelliconi, F. Sironi De Gregorio. New Universal Jurisdiction Case Filed in Germany for Crimes Committed in Myanmar Before and After the Coup: On Complementarity, Effectiveness, and New Hopes for Old Crimes. 7 March 2023 (ejiltalk.org/new-universal-jurisdiction-case-filed-in-germany-for-crimes-committed-in-myanmar-before-and-after-the-coup-on-complementarity-effectiveness-and-new-hopes-for-old-crimes/).

A. Polakiewicz. No Justice, No Security: International Criminal Law Enforcement's Rightful Place in the German National Security Strategy. 7 December 2022 (<https://fourninesecurity.de/2022/12/07/no-justice-no-security>).

A. Schüller. Universal Jurisdiction — the Most Difficult Path to Achieve Justice for Sri Lanka. 24 February 2021 (<https://www.justsecurity.org/74941/universal-jurisdiction-the-most-difficult-path-to-achieve-justice-for-sri-lanka/>).

C. Ryngaert. Germany's Universal Jurisdiction over War Crimes and the Al-Khatib Trial. *Blog van het Utrecht Centre for Accountability and Liability Law*. 27 August 2021 (<https://blog.ucall.nl/index.php/2021/08/germanys-universal-jurisdiction-over-war-crimes-and-the-al-khatib-trial/>).

C. Sweeney. Justice Prevails over Realpolitik at Koblenz: International Law offers a Rare Glimmer of Hope after a Decade of Disappointments for Syrians. 14 February 2022 (<http://opiniojuris.org/2022/02/14/justice-prevails-over-realpolitik-at-koblenz-international-law-offers-a-rare-glimmer-of-hope-after-a-decade-of-disappointments-for-syrians/>).

Dainius Žalimas: There can be no impunity for international crimes. 4 November 2020 (<https://lrkt.lt/en/news/other-news/dainius-zalimas-there-can-be-no-impunity-for-international-crimes/1636>).

D. Orentlicher. How States Can Prosecute Russia's Aggression With or Without "Universal Jurisdiction". 24 March 2022 (<https://www.justsecurity.org/80818/how-states-can-prosecute-russias-aggression-with-or-without-universal-jurisdiction/>).

Działania Ministerstwa Sprawiedliwości i polskiej prokuratury wobec wojny na Ukrainie. 1 March 2022 (<https://www.gov.pl/web/sprawiedliwosc/dzialania-ministerstwa-sprawiedliwosci-i-polskiej-prokuratury-wobec-wojny-na-ukrainie>).

Geplante Anpassungen im Völkerstrafrecht in erster Lesung beraten (<https://www.bundestag.de/dokumente/textarchiv/2023/kw48-de-voelkerstrafrecht-979660>).

Germany: Complaint filed against six members of the Belarus security apparatus. Press release by OMCT and ECCHR. 1 November 2021 (<https://www.omct.org/en/resources/news-releases/germany-complaint-filed-against-6-members-of-the-belarus-security-apparatus>).

J. H. Anderson. Why Lithuania is at the Forefront of the Ukrainian Lawfare. 9 September 2022 (<https://www.justiceinfo.net/en/106188-why-lithuania-forefront-ukrainian-lawfare.html>).

Joint investigation teams. Website of the EU Agency for Criminal Justice Cooperation (<https://www.eurojust.europa.eu/judicial-cooperation/instruments/joint-investigation-teams>).

Joint investigation team into alleged crimes committed in Ukraine, Website of the EU Agency for Criminal Justice Cooperation (<https://www.eurojust.europa.eu/joint-investigation-team-alleged-crimes-committed-ukraine>).

K. Theurer. German Code of Crimes Against International Law: Gender Bias and the Need for Reform. 14 March 2023 (<https://www.boell.de/en/2023/03/07/voelkerstrafgesetzbuch-gender-bias-und-reformbedarf>).

Lawyers file suit against Belarus' Lukashenko in Germany. DW, 5 May 2021 (<https://www.dw.com/en/lawyers-file-suit-against-belarus-lukashenko-in-germany/a-57432482>).

Lithuania prosecutors launch Ukraine war crimes investigation. 3 March 2022 (<https://www.reuters.com/world/europe/lithuania-prosecutors-launch-ukraine-war-crimes-investigation-2022-03-03/>).

L. Morris. Why Germany is Becoming a Go-to Destination for Trials on the World's Crimes. 6 March 2021 (https://www.washingtonpost.com/world/europe/germany-war-crimes-justice/2021/03/05/b45372f4-7b78-11eb-8c5e-32e47b42b51b_story.html).

M. Koch. Anwalt stellt Strafanzeige gegen Lukaschenko. 21 June 2021 (<https://www.rnd.de/politik/anwalt-stellt-strafanzeige-gegen-lukaschenko-H2TTVJ5JARBNPB7CWDZJDFKB7Q.html>).

M. Masadeh. One Court at a Time: Challenges of Universal Jurisdiction and Enhancing International Justice: Lessons Learned Through Al-Khatib Trial. *Völkerrechtsblog*. 24 January 2022 (<https://voelkerrechtsblog.org/one-court-at-a-time-challenges-of-universal-jurisdiction-and-enhancing-international-justice/>).

Mazowiecki pion PZ PK wszczął śledztwo w sprawie napaści Rosji na Ukrainę. 1 March 2022 (<https://www.gov.pl/web/prokuratura-krajowa/mazowiecki-pion-pz-pk-wszczal-sledztwo-w-sprawie-napasci-rosji-na-ukraine>).

'Responsibility to Prosecute'? The Case of German Universal Jurisdiction, CIJA and the Arrest of Syrian Perpetrators. March 2019 (<https://lawlog.blog.wzb.eu/2019/03/13/responsibility-to-prosecute-the-case-of-german-universal-jurisdiction-cija-and-the-arrest-of-syrian-perpetrators/>).

Myanmar army accused of war crimes, case filed in Germany. 24 January 2023 (<https://www.dw.com/en/myanmar-military-accused-of-war-crimes-case-filed-in-germany/a-64495150>).

Kroker, A. L. Kather. Justice for Syria? Opportunities and Limitations of Universal Jurisdiction Trials in Germany. 12 August 2016 (ejiltalk.org/justice-for-syria-opportunities-and-limitations-of-universal-jurisdiction-trials-in-germany/).

Pradėtas ikiteisminis tyrimas dėl nusikaltimų žmoniškumui Rusijai užpuolus Ukrainą. 2022 m. kovo 3 d. (<https://www.delfi.lt/news/daily/lithuania/pradetas-ikiteisminis-tyrimas-del-nusikaltimu-zmoniskumui-rusijai-uzpuolus-ukraina.d?id=89606209>).

P. Kroker, F. Lüth. One Year On — Remembering the Al-Khatib Syrian Torture Case and Reflecting on the Documentation of International Crimes Cases in German Courts. 12 January 2023 (ejiltalk.org/one-year-on-remembering-the-al-khatib-syrian-torture-case-and-reflecting-on-the-documentation-of-international-crimes-cases-in-german-courts/).

Speakers Disagree on How, When, Where Universal Jurisdiction Should Be Engaged, as Sixth Committee Takes up Report on Principle. Seventy-seventh session, 12th meeting (am). Meetings coverage. GA/L/3662, 12 October 2022 (<https://press.un.org/en/2022/gal3662.doc.htm>).

W. Zontek. Can Putin Be Tried in Poland? 20 April 2022 (<https://verfassungsblog.de/can-putin-be-tried-in-poland/>).

А. Отрощенко. Эксперт: Швейцарский суд не ограничится лишь выяснением роли Гаравского в исчезновениях. 19 сентября 2023 г. (<https://reform.by/jekspert-shvejcarskij-sud-ne-ogranichitsja-lish-vujasneniem-rolj-garavskogo-v-ischeznovenijah>).

Беларусь: Оправдание бывшего члена «эскадрона смерти» Лукашенко в Швейцарии. Пресс-релиз TRIAL International, FIDH и правозащитного центра «Вясна», 28 сентября 2023 г. (<https://www.fidh.org/ru/regiony/evropa-i-central-naya-aziya/belarus/belarus-opravdanie-byvshego-chlena-eskadrona-smerti-lukashenko-v>)

Преступников режима Лукашенко впервые объявили в международный розыск. 20 октября 2023 г. (<https://belsat.eu/ru/news/20-10-2023-prestupnikov-rezhima-lukashenko-vpervye-obyavili-v-mezhdunarodnyj-rozysk>).

Суд оправдал белорусского спецназовца Гаравского. Он утверждал, что причастен к исчезновению оппонентов Лукашенко. Сергей Горяшко, Би-би-си. 28 сентября 2023 г. (<https://www.bbc.com/russian/articles/c98dlv0lnvxo>).

